

Юрий
КОРЧЕВСКИЙ
СПАСЕНИЕ «ПОПАДАНЦЕВ»

АНТИМИРЫ
ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

Против течения Времени

Юрий Корчевский

**Спасение «попаданцев».
Против течения Времени**

«Яуза»

2013

Корчевский Ю. Г.

Спасение «попаданцев». Против течения Времени /
Ю. Г. Корчевский — «Яуза», 2013

Спасение «попаданцев» – дело рук самих «попаданцев»! Если ты чуть не утонул в наши дни – а вынырнул из омута в Московском княжестве XV века, придется тебе плыть против течения Времени – за три моря, тридевять земель и тридевять веков – сначала в Персию за пряностями, бывшими тогда на вес золота, а затем в Италию за драгоценным венецианским стеклом. «Попаданцу», ставшему «торговым гостем», предстоит сражаться с татарами на Оке и берберскими пиратами на Средиземном море, пережить бури, шторма и кораблекрушения, преодолеть пороги и водовороты времени, чтобы в далекой Флоренции познакомиться с молодым подмастерьем Лео, подсказав тому несколько изобретений и получив в благодарность свой портрет работы нового друга, подписанный: Леонардо да Винчи...

© Корчевский Ю. Г., 2013

© Яуза, 2013

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	18
Глава 3	32
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Юрий Григорьевич Корчевский

Спасение «попаданцев».

Против течения Времени

Глава 1

Пещера

Остались позади годы учебы в alma mater, защита дипломного проекта, ресторан и гуляние по Москве почти до утра. В отличие от некоторых других выпускников Михаил уже знал, где будет работать. Еще поздней осенью приезжали «покупатели» – представители заводов. Через деканат они отбирали студентов, подающих надежды, беседовали с ними. Так Михаил получил приглашение в объединение «Пермские моторы». Завод выпускал авиационные двигатели – как раз по специальности Михаила, поскольку заканчивал он факультет двигателестроения летательных аппаратов Московского авиационного института. Учился хорошо, но до красного диплома не дотянул. Понятное дело – молодость, хочется Москву посмотреть, в значимых местах вроде ночных клубов побывать, пивка с друзьями попить. Времени на все не хватало, как, впрочем, и денег, потому по вечерам и в выходные подрабатывал в автосервисе. Нет, не в фирменном – туда бы не взяли – в мультибрендовом, поскольку в двигателях разбирался хорошо. Техника, особенно моторы, ему всегда нравилась. Еще в детстве, когда другие пацаны с упоением гоняли футбольный мяч, он возился с отцом – перебирал двигатель старенького «Москвича». Отец, судовой механик на речном судне, удивлялся:

– Надо же, малец, а на лету все схватывает. Наша порода, – говаривал он иногда друзьям на дружеских застольях. – Вырастет – в инженеры пойдет.

И точно. После окончания школы в Ростове Михаил даже не раздумывал, кем быть.

Поступить удалось сразу, хотя конкурс был большой. Повезло с общежитием.

Учился Михаил упорно – ему было интересно. О профессии юриста или экономиста, как его сверстники, даже не думал.

И вот уже на руках диплом.

Он съездил к родителям в Ростов, отдохнул, со старыми школьными приятелями погулял в Дону. А уже первого августа, как и договаривались с «покупателями», прибыл в Пермь.

Первые дни пролетели в суете и сутолоке: оформление документов, обустройство в комнате общежития, знакомство с сотрудниками отдела. Большая часть инженеров-конструкторов были уже в годах, далеко за сорок-пятьдесят лет. Не шла молодежь на инженерные специальности – там надо было серьезно работать головой, и бабок быстро не срубишь. Развратили молодежь лихие девяностые годы, когда быстро «поднимались» торгаши и бандиты. Только «братки» долго не жили, а торговля лично Михаила не прельщала.

Познакомился с парнями из соседнего, технологического, отдела. Особенно сблизился с Андреем. Физически крепкий, подтянутый, он сразу спросил Михаила:

– Что-то я тебя в спортзале не видел.

– Я новенький у вас, месяц всего работаю.

– При заводе спортзал есть, приходи.

Так Михаил, едва успев после работы поужинать и переодеться, стал посещать спортзал. Они играли в волейбол, занимались на тренажерах.

В один из дней Андрей спросил:

– Ты про рафтинг когда-нибудь слышал?

– Смутно.

– Это когда по рекам сплавляются на лодках или плотках. Лето, считай, закончилось, осень на носу. Мы с парнями в выходные решили последнюю вылазку сделать. Присоединишься? Может, понравится!

Планов на выходные не было, и Михаил согласился.

Из города выехали еще в пятницу вечером, после работы. Вез их знакомый Андрея на узике-«буханке». В фургоне едва уместились из-за поклажи.

Еще когда грузили вещи, Михаил удивлялся про себя. Вроде на два выходных едут, а вещей полно. Зачем столько? Оказалось – один объемистый баул занимал надувной резиновый плот, в других сумках помещались весла, надувные резиновые жилеты, защитные каски из пластика, продукты на два дня.

Компания была дружной, все друг друга знали давно – новичком был только Михаил. И выезжали уже не один год, опыт имели.

По приезде на место лихо разгрузились, накачали плот. Вещи, по причине позднего времени, занесли в избушку охотников – была здесь такая. Запиралась снаружи на палочку – от зверья. Каждый мог зайти, переночевать под крышей. А если кто пользовался солью, крупами, что стояли на полках в жестяных банках, должен был оставить что-то свое – вроде как гостиница на полном самообслуживании.

Один из парней, Валера, вздумал побренчать на гитаре.

– Все, отбой, – приказал Андрей, бывший в команде за старшего. – Завтра вставать рано. Пока позавтракаем, уже рассветет, можно будет сплавляться.

– А обратно как, – задал вопрос Михаил, – на веслах?

Парни дружно, но без издевки рассмеялись.

– Обратно на веслах не подняться, течение быстрое. К обусловленному месту Славик на «узике» подъедет, заберет. Не в первый раз уже, все отработано.

Перед сном Михаил вышел из избушки. Вроде от Перми отъехали не так далеко, километров двести, а природа прямо девственная. Воздух чистейший, не надыхнешься, вокруг лес – настоящая тайга. Ветер верхушки деревьев колышет, от чего они шумят. И хоть избушка, из бревен сложенная, рядом, возникает ощущение, что до цивилизации с ее любимыми телефонами, машинами и дымящимися трубами заводов очень далеко.

Михаил улегся рядом с парнями на нары – на матрас, набитый сеном. Спали, не раздеваясь, только обувь сняли. На всех парнях спортивные костюмы – и не помнешь, и удобно.

Сон сморил быстро. Показалось – только уснул, а его уже толкают:

– Вставай! Завтракать пора.

Оказалось, кто-то встал раньше и на костре вскипятил котелок с чаем, поскольку заварку бросили сразу же.

Сделали солидные – с ладонь величиной – бутерброды с колбасой и сыром. Есть в такую рань не особенно хотелось, но все понимали – надо. Теперь скорее всего ужинать уже придется вечером, иначе сплавиться им не успеть. Да и продукты на плот решили не брать, машина к вечеру доставит.

Едва поев, они подкачали плот еще и спустили его на воду. После, усевшись, разъяснили Михаилу его немудреные обязанности. «В этом месте течение у реки спокойное – смотри, что и как делают другие». Всей науки-то было – работай веслом со своего борта, следи, чтобы плот носом по течению шел, подальше от камней и коряг.

Сначала Михаилу даже нравилось. Течение быстрое, но пока без водоворотов и камней, подгребай понемногу и любуйся берегами, тем более что полюбоваться было на что. Вдали были видны отроги Уральских гор, поросших лесом. Под плотом вода хлупает, бьет по днищу. Из реки рыбины выпрыгивают, как будто хотят поглядеть – кто там на плоту в гости пожаловал?

Потом течение ускоряться стало, а река сузилась. Почти постоянно приходилось работать веслом, не давая плоту развернуться боком, и было уже не до красот.

А потом и камни пошли, торчавшие из воды, словно зубья – только успевай уворачиваться. Брызги воды долетали до сплавляющихся.

Михаил, хоть и был в штормовке, а поверх нее – в спасательном жилете, местами промок. Но адреналина – хоть отбавляй, и парням нравится, только покрикивают: «Правый борт – табань!»

Плот начало швырять во все стороны, как лодку в бушующем море – так и шторма-то не было. А плот то вниз, в водоворот ухнет, то вверх на перекате подлетит – только за скамейку держись, чтобы не выкинуло.

Андрей, как старший, на корме, на рулевом весле сидит, команды подает.

Объяснял Андрей Михаилу вчера, что река эта, Акчим, полноводна и крута нравом по весне, в период таяния снега – тогда она бурлит и мчит свои воды через перекаты. На ней устраиваются соревнования – в зависимости от выбранного участка реки – от первой до пятой, самой сложной, категории.

Михаил и этими водоворотами, камнями и перекатами был впечатлен, что же тогда творится на реке весной? Однако к полудню он пообвыкся, споро работал веслом и даже стал получать от сплава некоторое удовольствие, драйв.

Сложность была еще и в том, что, как и все бурные реки, Акчим периодически подмывала то один берег, то другой, меняя, пусть и незначительно, русло. Вот и сейчас почти по курсу возник камень, который раньше был в стороне от стремнины.

Андрей выругался, крикнул:

– Правый борт – налегги! – И сам налег на весло, пытаюсь направить плот левее, обойти камень.

Попытка почти удалась, но краем плот задел камень, его резко развернуло, и он опрокинулся. Все гребцы оказались в воде.

Все произошло настолько быстро, что Михаил не успел не только испугаться, но и сгруппироваться. Только что он был на плоту, и вот уже в воде – даже под водой.

Плывать он умел и любил – но в теплой воде и без одежды. Спасательный жилет утонуть не даст, и сейчас он тянул Михаила вверх, но ботинки мешали.

Все-таки он вынырнул, жадно хватанул воздуха. Впереди, вниз по течению, были видны парни из их команды. Они пытались выгresti к берегу.

Мощными гребками Михаил тоже поплыл к берегу, выбрался. Чего там плыть – каких-то тридцать-сорок метров, только вода крутила и била о подводные камни, и достаточно чувствительно.

Он ухватился за камень, торчащий зубом, и выбрался из воды. С одежды потоками стекала вода.

Парней видно не было – видимо, их снесло течением. Но за них можно было быть спокойным – парни все опытные, и он видел в воде всех четверых. Наверняка они пытались поймать в воде плот, чтобы не остаться без плавсредства, потому и не сразу выбрались на берег. Сейчас небось его поджидают.

Михаил отошел от воды подальше – уж больно по камням идти неудобно, присел, снял ботинки и вылил из них воду. Обувшись, пошел вниз по течению реки.

В одном месте река делала резкий, почти под девяносто градусов, поворот влево, а метров через сто – вправо.

Ни на одном, ни на другом берегу парней не было. Но Михаил этим даже не обеспокоился, он решил, что прошел слишком мало, а течение у реки быстрое, и парней снесло дальше.

Он шел быстро: вдруг парням нужна его помощь – плот на берег вытащить или еще что-то сделать. Мокрая одежда неприятно липла к телу и холодила.

Река делала поворот за поворотом, а парней не было видно. Хуже того, начал опускаться туман. Пока он покрывал только верхушки деревьев, потом постепенно стал густеть и опус-

каться ниже. А потом начало смеркаться, и вот тут-то Михаил обеспокоился. Что делать? Продолжить идти вперед и искать парней? Так видимость становится неважной, можно ногу подвернуть. Не хватало ему еще покалечиться и вовсе потерять возможность передвигаться. Лишь бы с парнями ничего дурного не случилось. Если плот поймают, будут дожидаться его на берегу.

Говорил же Андрей, что на веслах подняться вверх по течению затруднительно.

Михаил стал поглядывать по сторонам. Пока еще было видно, надо искать какое-то укрытие на ночь.

Справа, на склоне горы, виднелось темное отверстие. Михаил свернул туда. Если парни вздумают искать его ночью и будут кричать, он услышит. Хотя лично он в ночных поисках сомневался. Да и вообще в душу постепенно закрадывалась тревога. Он прошел уже достаточно много, а ни парней, ни плота не видел. Где они, что с ними? Бросить его в одиночестве они не могли – парни производили впечатление людей порядочных, серьезных.

Пещера оказалась достаточно глубокой, жаль только – фонарика не было. Михаил крикнул в темный зев, и ему отозвалось далекое приглушенное эхо.

Вглубь идти не хотелось – в темноте можно было угодить в яму или свалиться с уступа, а рисковать он не хотел. Пещера давала укрытие от ветра, и этого ему было достаточно.

Михаил снял спасательный жилет и положил его у входа в пещеру, привалив камнем, чтобы не унесло ветром. Если его будут искать, оранжевый цвет жилета привлечет внимание.

Он разделся донага, отжал уже начавшую подсыхать на теле одежду, и натянул ее на себя. Хоть и не осень, но в Приуралье сентябрьскими ночами прохладно. Пока еще было видно, нарвал подсохшей травы близ пещеры, соорудив себе лежанку. С сожалением вспомнил охотничий домик, где они провели предыдущую ночь.

После целого дня работы веслами, купания и довольно продолжительной пешей прогулки хотелось поесть и отдохнуть. Еды с собой не было никакой, но отдых на травяном ложе в пещере его устраивал. Немного жестковато, правда, но что такое одна ночь?

Он улегся, покрутился, устраиваясь поудобнее, и почти сразу уснул – сказались масса новых впечатлений, переживаний и непривычная физическая нагрузка.

Проснулся Михаил от яркого солнечного света и пения каких-то птиц в кустарнике. Он встал, потянулся до хруста и вышел из пещеры. Никого не было видно, только вдруг возникло стойкое впечатление, что вокруг что-то изменилось, что-то явно было не так. Он не мог понять, что, но интуитивно чувствовал перемену.

Михаил спустился к реке, умылся и напился воды. Ну, коли гора не идет к Магомету... Он решил идти по берегу и искать парней сам. Подобрал спасательный жилет, он перебросил его через плечо. Все-таки жилет чужой, и надо будет его вернуть.

Через несколько минут хода он понял, что ему показалось не так, что не совпадало со вчерашней картиной. Было тепло. Вчера он не мерз в своем спортивном костюме и штормовке только потому, что активно занимался греблей. А сегодня, идя неспешным шагом, вспотел. Штормовка и вся остальная одежда на нем за ночь высохла.

Михаил снял куртку и рукавами связал ее у себя на поясе: пусть болтаются сзади.

Мало того, что теплее стало, так и природа выглядела так, как будто бы стояла поздняя весна. Листья на деревьях зеленые, трава не пожухлая, кое-где из-под нее выглядывали цветы. Неужели за ночь так потеплело? Может быть, антициклон теплый с Атлантики на Урал принесло? Чудны дела твои, Господи!

Через несколько часов пешего хода Михаил утвердился в худших своих опасениях. Либо парни нашли плот и не стали его дожидаться, что на них не похоже, либо... либо они утонули. Теперь ему надо идти по берегу вперед. Вчера они преодолели большую часть водного пути, и где-то их должна ждать машина. Вот до нее придется идти, других вариантов у него не было. Вполне вероятно, что где-то рядом есть деревня, но карты у него не было, а местности он

не знал. Ничего, рано или поздно река выведет к жилью – ведь деревни и села всегда строились по берегам рек. А может, за ближайшим поворотом он увидит их «уазик» и парней возле него? Вполне может статься, что его решили проверить, коли удобный случай подвернется. А мобильный телефон после купания в реке, как назло, не работает. А то было бы здорово с парнями созвониться. Придется покупать новый, только «симку» надо сохранить.

Прошел час, другой, третий, а Михаил все шел и шел. В его душе уже прочно поселилась тревога. Ведь завтра на работу, на стенде для истребителя «МиГ-31» установлен двигатель Д-30 Ф-6, а он в этой глухомани, и нет шансов связаться с парнями или с дежурным по отделу. Крайне неудобно начинать работу на предприятии с прогула.

Наконец после еще одного поворота реки показались крыши домов небольшой, в 4–5 строений, деревни.

Михаил обрадовался, почти возликовал. Теперь он сможет узнать, не проплывали ли на плоту его парни, и связаться по телефону со своим отделом на работе, узнать, в конце концов, где он находится и как выбраться к шоссе или железной дороге. Он ускорил шаг, почти побежал.

На подходе к деревне Михаил встретил крестьянина, ведущего под уздцы лошадь, впряженную в телегу.

– Добрый день! – переводя дух, поприветствовал он встречного.

– И тебе здоровья, – ответил селянин. Одет он был немного странновато: длинная, почти до колен холщовая беленая рубаша, свободные штаны из грубой ткани, а на ногах – непонятно что, что-то вроде бахил из кожи, но без подошвы. Раньше такой обуви Михаил ни на ком не встречал.

– Не подскажете, как деревня называется?

– Это хутор, Лаврентьев Лог.

– Спасибо. А телефон на хуторе есть?

– Чего?

Но Михаил уже и сам увидел, что никакие столбы с проводами к хутору не подходят. Стало быть, не только телефона, но и электричества на хуторе нет.

– Как мне к дороге выйти? Мне в Пермь надо.

– А от хутора дорога и идет.

Селянин осмотрел Михаила.

– Одежа на тебе странная. Чужеземец?

– Да нет, русак, – засмеялся Михаил.

Никогда его за иностранца не принимали. Неужели говорит с акцентом? Говорили ему в Перми, что говор у него не местный.

Михаил прошел через хутор, подивившись какой-то убогости деревянных изб – на крышах даже шифера не было.

Дорога за хутором была малоезженная, поросшая травой, только две узкие колеи от тележных колес. Вроде двадцать первый век, а на хуторе время как будто бы остановилось: ни электричества, ни телефона – даже машин во дворах не видно. Одно слово – глухомань.

Зато по дороге шагалось легче, чем по каменистому берегу. Потом он вспомнил, что забыл спросить про плот – не проплывал ли? Ладно, добраться бы только до Перми, уж там он задаст Андрею взбучку. Хоть бы поискали его или ждали на берегу у плота... Так нет же, бросили, выбирайся как хочешь. А завтра рабочий день, и до Перми не одна сотня километров.

Михаил остановился, пошарил по карманам. А есть ли у него деньги? Провизию они покупали вскладчину еще в городе, больших расходов не предвиделось – где тратить деньги в тайге и на реке? Тем не менее он обнаружил пятьсот рублей купюрами по сто и мелочь. Добраться до Перми вполне хватит.

Хотелось есть, уже полтора дня во рту не было ни крошки, и он решил перекусить в первой попавшейся забегаловке. Даже если это будет просто сельский магазин, то можно купить хотя бы шоколадок.

Однако ни деревень, ни тем более магазинов не было. Конечно, Приуралье – не самый густозаселенный район, но не настолько же?

Михаил вышел к перекрестку. Куда свернуть? Он определился по солнцу и решил свернуть направо, на восток – ведь Пермь находилась именно в той стороне.

Часа через два довольно быстрого хода слева показался одинокий дом. Михаил решил зайти и попросить хотя бы хлеба.

Ворота были распахнуты, и он вошел во двор.

Тут же из двери выскочил паренек в длинной рубахе и штанах, заправленных в короткие сапожки. Он отвесил Михаилу поклон.

– Добро пожаловать, гость.

Забежав вперед Михаила, он распахнул перед ним дверь. Вот ведь мода пошла на все старорусское, стилизованное под старину!

Михаил вошел в большую комнату, в которой стояли несколько обеденных столов с лавками подле. Из комнаты вел широкий проем на кухню. Ошибиться было нельзя – там шкворчало, булькало, и оттуда шел восхитительный запах съестного.

Паренек подвел Михаила к столу, подождал, пока он усядется, и с полупоклоном спросил, что гость будет кушать.

– Меню принесите, – попросил Михаил.

– Это что такое? – с искренним недоумением спросил паренек. – Не слышал отродясь. Курица есть вареная и жаренная на вертеле, караси жареные под сметаной, окорок, белорыбица копченая. Опять же пироги с грибами и капустой, шанежки с творогом. Что будете?

Вот уж нелепица! Официант перечисляет блюда местной кухни, а про меню не слышал. Цивилизация не дошла? Однако Михаил заказал половину жареной курицы и пирог с капустой.

– Пива не желаешь? Свежее.

Борзеет официант, однако! Моложе Михаила лет на восемь, а тыкает.

– Желаю.

– Мигом исполню.

Официант довольно шустро исчез на кухне и почти тут же появился снова, неся в руках оловянную чашку с курицей и глиняный кувшинчик. Вторым заходом он доставил деревянное блюдо с пирогом.

Михаил довольно потянул носом – пахло аппетитно.

– А приборы где? Ну – нож, вилка?

Официант сделал вид, что не понял, и ушел. Ну и обслуживание!

Михаил презрел условности и взялся есть руками. Все было с пылу-жару, вкусное. Или показалось вкусным с голодухи?

В горшочке оказалось пиво – прохладное, густое, вполне приличного вкуса. Надо бы потом узнать, как называется. Наверняка из кегов, не бутылочное.

Он съел и выпил все, что подали, и почувствовал себя сытым.

Из-за стойки появился официант вместе с кряжистым бородатым мужиком.

– С тебя две деньги.

– Какие? – удивился Михаил – нет чтобы по-человечески сказать.

Однако официант на полном серьезе ответил:

– А какие хочешь. Можно тверские, новгородские, псковские, даже московские.

Ответ официанта привел Михаила в замешательство. Он достал из кармана мелочь. Ну ладно, хотите поиграть в ролевые игры «под старину» – получите. Он раскрыл ладонь:

– Бери.

Официант нашел на ладони две медные монеты по пятьдесят копеек – деньги по нынешним временам совсем бросовые и отнес их мужику за стойкой. Оба склонились над монетами, крутили их, рассматривая. Видимо, что-то их все же не устроило, потому что оба направились к Михаилу:

– Э... Чужеземец, а наших медях у тебя нет?

Насчет чужеземца Михаил решил не спорить.

Мужик подошел к стойке и взял несколько монет.

Вернувшись к столу Михаила, показал их ему. Монеты были не совсем правильной формы, больше овальные, и чеканка на них была довольно грубая, но читалась вполне сносно: «деньга псковская»; на другой медяхе – «Великого Новгорода». По сравнению с ними 50 копеек из кармана Михаила выглядели шедевром чеканки.

– Блин, да в каком веке, в каком году мы живем? – попытался качать свои права Михаил.

– Знамо, в каком, – с достоинством ответил ему мужик. – Поди, не совсем темные: в шесть тысяч девятьсот семьдесят восьмом году от сотворения мира.

Похоже, кто-то из них рехнулся, тронулся умом. Только антураж уж больно правдоподобный.

Михаил решил с чокнутыми не спорить – себе дороже выйдет. Он достал монеты из кармана и на ладони протянул их мужику:

– Тогда сам выбирай.

Мужик долго всматривался и выбрал новенький, блестящий, отливающий серебром рубль:

– Пожалуй, сгодится.

Михаил облегченно вздохнул. Надо побыстрее отсюда, от этих странных хозяев выбираться, совсем заигрались со стариной.

– Как мне быстрее до Перми добраться?

– Не слышали. Это где ж такое?

– Ну, до Камы.

– А, так это обоза дожидаться надо. Или на реку идти, купцов ждать.

– Долго?

– Как повезет. Может статься – день, а может, и седмицу.

Похоже, седмицей мужик называл неделю. Только почему он про Пермь ничего не слышал? Все-таки крупный город, столица края. И про купцов с обозами чего-то плетет. Точно, чокнутые. Но опять же есть некоторая странность.

В этой забегаловке при дороге нет электричества – Михаил не заметил ни люстр, ни лампочек, ни розеток. А какая же столовая без электричества? Ведь должны быть электромясорубки, электрогрили и прочие электрические машины? Их он тоже не заметил, но ведь и на саму кухню он не заходил.

– А где река? – спросил он у официанта.

– Рядом совсем. Вон туда, с полверсты всего. Язьва-река.

Только где эта Язьва, Михаил не представлял.

До реки он добрался неспешным шагом за четверть часа. Только зачем шел? Река пустынна – ни лодки, ни кораблика малого. Хотел уж было назад идти, как услышал какой-то шум.

Из-за близкого поворота вниз по течению шло под парусом небольшое суденышко, длинной и шириной – как автобус. На корме рулевой у весла. Вид у суденышка – как на старинных гравюрах и картинах, которые Михаил в музеях видел.

Михаил замахал руками, закричал.

На суденышке его заметили, спустили парус. Судно изменило направление и медленно подошло ближе к берегу.

– Чего кричишь-шумишь?

– Мне бы до Перми...

– Не слыхал про такую. Мы в Нижний. Коли по пути, возьмем.

Михаил решил плыть – все лучше, чем пешком идти.

Рулевой с судна меж тем продолжил:

– Ежели пассажиром, то за провоз и харчи четыре деньги, а ежели за веслом сидеть будешь, то одна.

– Согласен за весло.

– Только деньги вперед.

С борта суденышка сбросили трап – узкую доску с набитыми поперечинами. Михаил взбежал на борт, дюжий парень за веревку втащил трап и оттолкнулся веслом от дна. Ещё один парень поднял парус. Судёнышко заскользило по воде.

– Тебя как звать, добрый молодец? – спросил его рулевой.

– Михаил.

– Деньгу, как уговаривались, вперед давай.

Михаил вытащил из кармана мелочь и протянул рулевому.

Тот взглянул и удивился:

– Это откуда же такие деньги?

– Из Литвы.

– Надо же! – рулевой покачал головой. – То-то я слышу, что ты по-русски как-то не так говоришь.

Рулевой разглядывал монеты, потом взял одну, зачем-то укусил – попробовал на зуб, взгляделся в место укуса и сунул монету в сумку на поясе.

Сам того не ведая, Михаил назвал наиболее приемлемый для себя вариант. В Литве, точнее – Великом княжестве Литовском, проживало много русских.

– Не бывал в твоих краях, только слышал. Слушай сюда. Сейчас по течению идем и ветер попутный – можешь отдыхать. А как по Волге пойдём – не взыщи, до седьмого пота за веслом потрудиться придется. Но мы с тобой уговорились, – рулевой протянул для пожатия руку. Михаил пожал. Откуда ему было знать, что рукопожатие – это что-то вроде подписи под договором?

Он уселся у борта, наблюдая за проплывающими берегами. Пока есть время, надо осмыслить происшедшее. Или у него у самого с головой неладно и все то, что он видит, – галлюцинации, или... Думать о втором «или» не хотелось, но похоже, он очутился не в своем времени, а в значительно более раннем. Не зря же мужик в столовой – хотя какая это столовая? – так, харчевня – упоминал год. Михаил попытался вспомнить цифры. Шесть тысяч девятьсот семьдесят восьмой, вот! Он вздохнул. Это сколько же в современном летоисчислении? Хоть убей, не вспомнить.

Теперь надо определиться, что делать, как жить. Первое, что пришло ему в голову, – вернуться назад, в пещеру. Похоже, это она сыграла с ним злую шутку. Но сейчас он не был уверен, что найдет обратную дорогу. Так что с этим можно и повременить. С одной стороны – даже интересно, посмотреть на средневековую Русь не каждому дано. Только жить на что? Ведь что-то надо есть, где-то обретать пристанище? Здесь его знания об авиационных двигателях никому не нужны: нет электричества, железных дорог, телефонов – да много чего нет, без чего нельзя представить себе цивилизацию. Но люди-то живут, и он выживет. Надо только найти дело, которое его будет кормить. Но, как назло, он не мог припомнить ни одной профессии, которая была бы востребована здесь. Рыбак? Так он щуку от карася с трудом отличит! Воин? Держал один раз в руках «калашников» – так здесь их нет. Торговец? Нет начального капитала. Вот незадача! От мыслей уже голова пухнет.

Постепенно начало темнеть. Парус спустили, и суденышко ткнулось носом в песок.

Один из парней ловко перепрыгнул на берег и веревкой привязал суденышко к стволу березы. Ну, это понятно – чтобы его течением не унесло.

– Поди-ка, Михаил, дров наломай, костер разведем. Ужинать пора, да на покой.

Михаил натаскал валежин, сухостоя, нарубил топором, сложил в кучу.

Один из парней неодобрительно покачал головой, сухую веточку ножом расщепил на тоненькие щепки и сложил их под валежником. Потом подsunул туда клочок сухого мха. Несколько раз ударил кремнем по кресалу, высек искры. Как только мох задымился, подул на него. Щепочки занялись робким огоньком, потом загорелись сухостоины.

Михаил смотрел внимательно. Читал в книгах, но сам видел впервые.

Парень убрал кремьень, кресало и трут в мешочек на пояс.

Над костром повесили закопченный котел, зачерпнув в него воды из реки. Когда вода закипела, парень щедро сыпанул в котел пшена, потом несколько ломтей сала отрезал от большого куска и тоже бросил в котел. Сняв с пояса мешочек, высыпал на руку содержимое и часть бросил в котел, а остальное ссыпал обратно. «Соль», – догадался Михаил. Только страшноватого вида – как будто пополам с песком.

– Чего у тебя соль такая? – не удержался он от вопроса.

– Так с перцем пополам, – ответил парень – его звали Василием.

Когда в котле забулькало и вокруг стал распространяться запах съестного, подошел рулевой. Как понял Михаил, он был на судне за старшего. Вытащив из-за голенища сапога деревянную ложку, он дунул на нее и, зачерпнув из котла, попробовал варево.

– Горячее сырым не бывает, – изрек он. – Харчиться пора.

Котелок сняли с огня, и все пятеро уселись вокруг него. Рулевой достал из мешка сухари и роздал команде. Все, кроме Михаила, достали ложки.

Первым зачерпнул варево рулевой. Подул на ложку, взял в рот.

– Хорош кулеш.

И как будто команду дал. Парни дружно полезли ложками в котел, захрустели сухарями.

– А ты чего не ешь? – спросил рулевой у Михаила.

– Ложки нет.

– Ай-ай-ай! Как же без ложки-то? У каждого своя должна быть. Игнат, сходи на ладью. Там запасная есть, принеси.

Один из парней молча поднялся, сходил на ладью, принес деревянную ложку и вручил ее Михаилу. Есть ею было непривычно, но удобно. Горячий кулеш не нагревал ложку и не обжигал губы.

Когда ложки застучали по дну котла, рулевой поднялся:

– Михаил, котел вымой, набери воды и над костром повесь.

Прибрежным песком Михаил отодрал котел от остатков кулеша, набрал в него воды и повесил котел на рогулину.

Команда была уже на судне. Парни постелили на палубе дерюжки и укладывались спать.

У Михаила не было ничего. Он сложил в несколько раз спасательный жилет, сунул его под голову и укрылся штормовкой: с реки тянуло сыростью, было зябко.

Утром команда проснулась ни свет ни заря – небо на востоке только начало сереть.

Михаил наносил сухостоя, Василий развел костер. Снова варили кулеш, поскольку готовился он быстро и был сытным. Днем, во время движения, остановок на обед не делали, ели только утром и вечером, экономя светлое время.

Пока удавалось идти под парусом.

Рулевой Георгий подозвал к себе Михаила.

– Это что у тебя за желтая штуковина? Я таких раньше не видел, не соображу никак.

– Жилет такой. Если его надеть, не утонешь, даже если плавать не можешь.

– Ух ты! Покажи.

Михаил надел на себя жилет, застегнул.

– Красивая вещица и полезная.

Вся команда собралась вокруг Михаила. Парни щупали и мяли синтетическую ткань.

– Вправду не тонет? – спросил Игнат.

– Вечером на стоянку встанем – можешь попробовать.

– Верю на слово. А в воду вечером не полезу. Там водяной, еще утащит в свое царство.

Михаил так и не понял, шутит он или всерьез сказал.

Кормчий после некоторого раздумья спросил:

– Где купил?

– Немецкий жилет, – уклончиво ответил Михаил.

– У Ганзы, значит. Я так и подумал. Продай!

Предложение было неожиданным. Михаил задумался. Похоже, к парням, в свое время, вернуться ему не суждено. Если же и повезет, то он отдаст стоимость из зарплаты. А сейчас ему местные деньги нужны.

– Сколько дашь?

– Ты скажи, за что купил?

– Монета серебром.

– Однако...

Разговор прервался. Видимо, Георгий счел стоимость великоватой.

– Странный ты, литвин.

– Почему же?

– Ложки у тебя нет, ножа на поясе – тоже, ни обеденного, ни боевого. Даже огня разжечь не можешь – как не от мира сего! И перед трапезой не крестишься.

Знал бы рулевой, что Михаил и в самом деле «не от мира сего» – не из этого времени.

Но как-то ответить Георгию надо было.

– Пояс с ножами и ложкой я потерял, когда в воду попал, только жилет и спас меня.

– Это где же случилось?

– Есть такая река – Акчим.

– О! Знаю про такую, слышал. По весне да в половодье бурная очень, зело опасно сплавляться.

– Вот и нам не повезло. Из всей команды один я остался, а ладья – в щепки.

– Перед походом молебен заказать надо было святому Пантелеймону, он бы уберег. Ты не схизматик случаем?

– Православный. – Михаил распахнул ворот спортивного костюма и показал рулевому серебряный крестик на серебряной цепочке. Это его мама еще дома крестила.

– И в самом деле. А я уж подумал – нехристь, хотя имя православное. Чего на Акчине делал?

Михаилу пришлось срочно выдумывать.

– За шкурками ходили, – соврал он.

– Ха, да и мы за ними ходили. За зиму коми да вотяки зверя набьют. Зимой мех хороший – густой, не линяет. По весне только его и брать. Не повезло тебе, парень, с ладьей-то.

– Не повезло.

Знал бы кормчий, как сильно не повезло Михаилу...

– А я вот набрал рухляди у старых знакомцев. Сейчас в Нижний иду, там ярмарки знатные. Продам – сам-три выйдет, а то и поболее.

– А как же через татар пробираться? – припомнил географию Михаил.

– Они купцов не трогают. Плати за проход по реке ихнему мытарю тамгу – тебе кожаную пайцу дают, и все дела. Разбойников бояться надо. Столько развелось – ужас просто. Коли на

телегах или санным обозом товар везешь, так охочих людишек для охраны нанимать надо. У меня вон в трюме и топоры боевые есть, и меч – дедов еще.

Холодным оружием Михаил не владел, как и многими другими навыками, имеющими ценность в Средние века.

На ночлег они остановились в месте впадения реки в Каму.

– Дальше река широкая да по течению; судов много – никак нельзя ночью идти.

А дня через два кормчий показал рукой на речушку, впадающую в Каму.

– Егошиха. А на берегу – деревни Брюхановка и Заостровка. Кожи там знатные выделывают. Припомни, вдруг пригодится.

А Михаил онемел от удивления. Подскочив к борту, смотрел во все глаза – ведь он проплывал места, где через двести пятьдесят лет появится Пермь. А сейчас тут две небольшие деревеньки...

– Ты чего вскочил? – зевнув, спросил Георгий.

– Запомнить хочу.

Грудь распирало от желания сказать, что на этом месте очень еще нескоро будет стоять большой промышленный город, где он работал – нет, еще будет работать.

Михаил запутался, сел рядом с Георгием.

Кама и в самом деле была широка и полноводна. И кораблики всех размеров сновали по ней вверх и вниз, но не столь активно, как обещал кормчий.

Через неделю они добрались до «стрелки», где сливались Кама и Волга, прозываемая татарами, черемисами и прочей мордвой Итилем. Повернули направо, и тут уже пришлось Михаилу сесть вместе с другими за весла. Только ненадолго. Реку перегораживал толстенный канат.

С левого берега к ладье подплыла лодочка. С нее на борт взобрались два татарина. Узкоглазые, с вислыми усами, в расшитых халатах и сапогах-ичигах с загнутыми носами. Как хозяйева, они тут же полезли в низкий, в половину человеческого роста, трюм. Перешерстив все мешки, выбрались на палубу.

– Три деньги, купец.

Георгий молча достал из-за пояса монеты и отдал татарам. Ему вручили кусочек кожи с выжженным клеймом.

Лодка отплыла, и вскоре канат опустился, давая суденышку проход.

Налегли на весла.

Михаил спросил:

– А поторговаться с татарами?

– Бесполезно. Ты думаешь, для чего они товар смотрели? Определяли мыто.

Дальше поговорить не удалось. Весла тяжелые, работать ими надо было дружно, в паре с другим гребцом, и, если разговаривать, не хватало дыхания.

Они шли на веслах до полудня. Потом задул сначала легкий ветерок, перешедший затем в сильный и ровный. Поставили парус, и гребцы отдохали.

Так и шли последующие дни – то на веслах, то под парусом.

На высоком левом берегу Волги показалась деревянная крепость.

– Считай, дошли, – снял шапку и перекрестился Георгий.

– Нижний?

– Да нет, это Макарьевский монастырь. Нижний дальше, верстах в пятидесяти. Ярмарки тут знатные три раза в год проводятся. Крещенские – зимой, Благовещенские – весной, а летом – Ильинские. Местечко подыскивать надо, приставать. Эка судов у пристани полно!

Ярмарка по имени монастыря называлась Макарьевской и была широко известна на Руси.

Судно пристало к причалу. Василий перешагнул через борт и привязал ладью к бревну. Кормчий засобирался:

– Сегодня торговать поздно, а к ценам да к товару приглядеться в самый раз.

– Георгий, мне можно с тобой? – спросил его Михаил.

– Да разве я тебя держу? Ты человек вольный. Почитай, до Нижнего мы уже дошли, так что делай что хочешь.

По мосткам причала Михаил и Георгий сошли на берег. Метрах в ста от уреза воды высился монастырь.

– Женский, годков уже полста как он стоит здесь, – махнул в сторону монастыря Георгий.

Между монастырем и рекой на протяжении версты, а то и более тянулся ряд палаток, легких сарайчиков и даже стояло несколько бревенчатых амбаров. И везде, куда только ни падал взор, шла оживленная торговля. Торговали всем: кожами, мехами, рубахами и портами, деревянными ложками и глиняными горшками, сбруей для лошадей и ювелирными украшениями, оловянной и медной посудой и тканями. Выбор товаров был просто огромный, вот только денег купить себе что-то необходимое у Михаила не было. Зато представление о ярмарке получил.

Между рядами прилавков бродили коробейники, предлагая товар мелкий – вроде иголок, расчесок и бус, толклись сбитенщики с медными кувшинами за плечами. Они просто оглушали криками:

– А вот кому сбитень горячий! Самый лучший, на меду и травах настоян!

Рядом им вторили другие торговцы:

– Пирожки! Пряженцы с луком, с капустой, с рыбой! С пылу с жару! Торопись, честной народ!

Через десяток шагов предлагали пряники печатные. А запах! Рот наполнился слюной. «На ярмарку ходить надо сытым», – сделал вывод Михаил.

Он отстал от Георгия, затерялся в толпе, людском водовороте. Да и немудрено – тысячи людей, приехавших на ярмарку со всех княжеств, а то и из дальних стран, толкались, торговались и спорили. Шум стоял несусветный, а еще – пыль, поднятая тысячами ног. Сухой песок оседал тонким слоем на товары, на одежду, на обувь, придавая всему этому желтоватый оттенок. Оттого ярмарка имела еще одно, неофициальное название – Желтоводная.

Уставший, оглушенный шумом толпы, Михаил вернулся на судно. Это было единственное место, где он мог сейчас отдохнуть и переночевать. А еще надо было решать, что делать дальше. Георгий выполнил свое обещание, и теперь Михаил должен был сам решать, как и где ему жить и чем заниматься.

Михаил улегся на палубу, чтобы ноги отдохнули, прикидывая между тем разные варианты. Несколько подумав, он решил добираться до Москвы – все-таки столица будущей Руси. Москва и сейчас город большой, можно найти для себя дело, которое будет кормить.

Михаил попытался припомнить историю. Еще есть Тверь, Великий Новгород и Псков. Тоже города большие, а Великий Новгород, похоже, центр торговли с зарубежными странами и город вольный, народным вече управляется. Только до него далеко. Для Михаила сейчас до Москвы добраться – целая проблема, а уж до Новгорода – и подавно. Если только поискать среди купцов тех, кто держит путь на Москву и согласится взять его с собой за работу на судне – тем же гребцом. Ведь таким же образом он добрался с Георгием до ярмарки.

Только Михаил мысленно помянул рулевого, как он заявился.

– Ты куда потерялся? – улыбаясь, спросил он Михаила.

– Отстал. Больно народу много.

– Ну да, в Литве таких ярмарок небось и не бывает. Так что, надумал свой жилет продать?

– Конечно, я же цену называл.

– Сбрось маленько.

– Вещь редкая, ты такую больше не найдешь. Выйду завтра на ярмарку и продам, – спокойно заметил Михаил.

– Это да. Только каждому товару свой купец нужен. Кабы у тебя их много было, тогда другое дело, а так – ты можешь его и день продавать, и два.

– Твоя правда. И сколько дашь?

– Дай примерить.

– Бери.

Кормчий натянул на себя жилет, покрасовался в маленькое зеркало. Потом снял, осмотрел.

– Вроде не рваный. Десять пул даю.

Михаил не представлял себе, что такое пулы, но согласился. Зачем ему здесь и сейчас спасательный жилет?

Довольный сделкой, Георгий отсчитал десяток медных монет. Судя по тому, как заблестели у рулевого глаза, Михаил понял, что кормчий «нагрел» его на сделке. Ну и ладно, зато теперь он сможет пассажиром добраться до Москвы на любом судне – деньгам всякий владелец будет рад.

Ночью он не столько спал на жестких досках палубы, сколько вертелся. Сон не шел. Михаил размышлял о дальнейших своих шагах, вспоминал прежнюю жизнь. Удастся ему еще хоть раз увидеть родителей? Или он останется здесь навсегда? Разница велика. Нет многих привычных вещей вроде компьютера и телефона – той же железной дороги нет. И жизнь тут очень неспешная, несуетная, как в его время. Часов у людей нет, все приблизительно – после полудня или после вторых петухов. Никто никуда не спешит, все делается основательно. На изготовленный плотником стол можно вдесятером залезть, и он даже не скрипнет. А попробуй вдвоем забраться на современный стол из прессованных опилок?

Сравнивая два мира, две Руси, Михаил находил отличия, плюсы и минусы. И он никак не мог решить для себя, какой мир ему ближе. Свой, прежний – привычнее и понятнее, а этот – интереснее.

Глава 2

Татары

Утром Михаил встал невыспавшийся, с головной болью. Попрощавшись с командой, сошел на берег.

У многочисленных судов всех размеров, облепивших причалы, уже суетились купцы и их помощники. С кораблей сгружали и несли на ярмарку тюки, узлы, сундуки, катили бочки с вином, медом, воском, маслом и еще бог знает с чем.

Михаил подходил к кораблям, интересовался – не идет ли судно на Москву? И везде получал неутешительный ответ.

Один из парней, видя его расстроенную физиономию, подсказал:

– Ты, парень, смотреть не умеешь, подходишь ко всем. А спрашивать попутное судно надо у тех, кто уже расторгнулся, купил здесь другой товар и грузится, кто обратно скоро пойдет.

Михаил поблагодарил. Мелочь, а досадно, что сам не сообразил. Надо впредь мозг подключать.

Теперь он шел по причалу, не интересуясь судами, с которых товар выгружали – он подошел к суденышку, на которое заносили тюки. С виду объемные, но грузчики, по-местному – амбалы, – несли их легко.

Михаил подошел, поинтересовался, кто владелец судна и товаров.

К нему не торопясь приблизился дородный муж с окладистой бородой.

– Если ты насчет постоя судна, так уплачено.

– Нет, я хотел добраться с вами до Москвы.

– Если пассажиром и с моими харчами – две деньги. Будешь помогать грести – одна.

– Когда отходите?

– Сейчас загрузимся и отходим.

– Согласен.

Михаил достал из кармана штормовки одну монету и отдал мужу.

– Вещичек много ли? – поинтересовался владелец судна.

– Все на мне.

Владелец судна, он же купец, скептически оглядел Михаила, хмыкнул, но ничего не сказал.

– Проходи.

Михаил поднялся по трапу на судно – это был речной ушкуй об одной мачте.

Амбалы сбросили в трюм еще два тюка, купец кивнул и черкнул палочкой по восковой дощечке.

– Все, отчаливаем.

Парень из команды отвязал веревку от бревна и лихо спрыгнул на судно.

Оттолкнувшись веслом от причала, вышли на чистую воду. Течение сразу понесло ушкуй вниз.

– На весла!

Сам купец встал у рулевого весла.

Команда на ушкуе была побольше, чем на ладье у Георгия – восемь человек вместе с Михаилом.

Восемь весел вспенили воду. Ветра не было совсем, потому парус не поднимали.

– И-раз! И-раз! – командовал купец.

Судно шло, прижимаясь к левому берегу. На середине реки, на стремнине, течение было более быстрым и отнимало много сил.

Порядки на ушкуе оказались такие же, как и на ладье. Утром завтракали, второй раз ели вечером. Когда ветер был попутный, ставили парус, и тогда гребцы отдыхали.

На третий день миновали Нижний Новгород. На ночную стоянку у городской пристани не останавливались.

– Дорого у пристани-то! – объяснил купец.

Дотемна они успели пройти до Оки, там свернули влево; отойдя на пару верст, пристали к берегу.

Вероятно, места корабельщикам были знакомые, останавливались они здесь не раз. На земле было выжжено пятно от костра, рядом – поваленная колода, подтесанная топором вроде лавки. В отличие от других дней после ужина выставили дежурного.

– Разбойнички иногда балуют, места обжитые, – посетовал купец Илья.

Дальше уже шли по Оке. С ушкуя Михаил видел по левому берегу деревушки и села.

– Земли Рязанского княжества пошли, – заметил купец, – скоро Переславль. Надо остановку сделать, о прошлом годе рожь у них уродилась, можно прикупить.

Однако когда они добрались до Переславля, городские ворота, выходявшие к берегу, оказались заперты. На высоком берегу виднелся огромный ров, за ним – высокие, метров пять, стены из бревен.

– Торг у рязанцев здесь, на берегу. И никого!

Купец нахмурился. Запертые ворота и пустой торг означали беду. Либо враг на подходе, либо эпидемия чумы или моровой язвы. И то и другое одинаково плохо.

– Мимо идем, – зычно скомандовал купец. – Тут, в полдня пути, Солотчинский монастырь есть, там у монахов все и прикупим.

Но Михаил заметил, как помрачнело лицо Ильи. Стоя за рулевым веслом, он бросал внимательные взгляды на берега.

Ушкой шел под парусом, подгоняемый попутным ветром.

Издали послышался нарастающий шум, и команда подбежала к правому борту.

Из-за рожицы вынеслась конница и поскакала к берегу.

– Татары! – охнул кто-то.

Татар было десятка два. Они домчались до уреза воды. Двое вскинули луки. Тынь! Одна стрела вонзилась в палубу рядом с Михаилом. Древко ее вибрировало.

– Михаил! Пригнись за борт! – закричал купец. – Стрелу в брюхо получить хочешь?

Пока купец не крикнул, Михаил не осознавал опасности. Татары далеко, судно на середине реки – что они могут сделать? Однако после окрика Ильи и вонзившейся совсем рядом стрелы ощутил грозящую опасность. Он прилег, укрывшись высоким бортом ушкуя – как, впрочем, и другие.

Татары посвистели, покричали что-то и повернули коней назад.

Парни поднялись с палубы.

– Опять крымчаки балуют! – сказал один из них.

– С чего решил? – спросил другой.

– Великий князь московский Иоанн Третий о прошлом годе на Казань ходил – усмирять.

Притихли казанцы-то, о набегах не слышать.

– Может, ордынцы?

– Один черт – нехристи! Так от них пакости и жди. То крымчаки, то мордва, то казанцы, то Орда! Будет ли когда-нибудь этому конец?

Михаил внимательно слушал. Эх, не пришло еще время Иоанна, прозванного Грозным. Это он взял Казань и приучил татар к миру и покорности.

К вечеру они добрались до впадения в Оку реки Солотчи. Здесь, на стрелке, стоял основанный еще Олегом Рязанским в 1390 году Солотчинский Рождества Богородицы монастырь. Здесь и был погребен затем князь и жена его Ефросинья.

Ближе к темноте ворота в городах и монастырях запирали, и открывались они только утром. При приближении врага ворота были заперты даже днем, иногда за воротами опускалась кованая железная решетка.

Проломит ежели враг тараном ворота, а за ними в нескольких метрах – железо, и лучники наготове, стрел не жалеют. Иногда вражескими телами проход едва ли не доверху забивался. И сверху, с крепостной стены, врагов не жалуют. Льют им на головы кипятком и кипящую смолу, сбрасывают камни, мечут стрелы. Тяжело взять крепость, даже небольшую. Если нахрапом, без подготовки – потери наступающих велики, а проку мало.

Ушкой Илья поставил к причалу у берега монастыря. На невысоком, метров десяти, берегу высились монастырские стены и макушки церквей. Ворота, как и ожидалось, были закрыты. У надвратной башни прохаживались двое монахов с факелами в руках.

Илья, как и всегда, тоже выставил на судне караульного и раздал команде оружие из трюма. Кому достался меч, кому – сабля, а Михаилу – боевой топор. На длинной деревянной рукояти, окованной двумя полосами железа, было насажено небольшое топориче с клевцом на обухе. В отличие от топора плотницкого лезвие боевого было узким – для пробития стальных доспехов, вроде юшмана или кольчуги.

Навыков пользования топором, впрочем как и другим оружием, Михаил не имел, но, положив топор рядом с собой на палубу, почувствовал себя спокойнее, увереннее.

Едва рассвело, команда развела костер и стала готовить неизменный кулеш.

Илья, не дожидаясь завтрака, направился в монастырь к настоятелю. Ему хотелось побыстрее купить рожь и убраться из этих земель, грозящих опасностью. Конечно, можно было и после завтрака или даже без него сразу же уплыть. Но какой же из Ильи купец без риска? Кто не рискует, тот сидит без прибыли. В Москве в начале лета цены на рожь, пшеницу или муку поднялись, и он, купец, не желал упустить прибыль.

Княжества Рязанское и Московское издавна враждовали друг с другом. Если Рязани угрожали, а то и разоряли дотла крымские или ордынские татары, то Москва отбивалась от нападавшей на ее земли Литвы и тех же татар. И каждое из княжеств хотело главенствовать, отхватить кусок земли от соседей.

Эти распри не лучшим образом сказывались на торговле, и торговые люди по возможности старались не упустить выгоду – в одном месте купить, в другом – продать.

Но и купцов ждали опасности. На суше бесчинствовали грабители и разбойники всех мастей, и небольшие тележные и санные обозы шансов добраться без охраны до места назначения имели немного. Потому купцы объединялись, шли обозами крупными. Скинувшись, нанимали охрану, да и сами неплохо владели оружием – жизнь заставляла.

Летом и весной до самого ледостава купцы – из тех, что побогаче – товары возили на судах. Но таких было не слишком много, судно стоило достаточно дорого, и команду требовалось содержать. Был и выигрыш. Судно брало на борт товаров значительно больше, чем обоз, и могло забраться по рекам в отдаленные районы, где у местных задешево можно было купить выделанные шкурки, соль, копченую и соленую рыбу – да много чего еще. Соль стоила дорого, и были торговцы, занимающиеся только ею, и целые районы, где добывали эту соль, – вроде Сольвычегодска.

Купец вернулся быстро, и вид был довольный, видно – сладили.

– Настоятель дозволил продать двадцать пять мешков ржи – все равно амбары надо освободить перед новым урожаем.

Илья от удовольствия потирал руки.

– Сбросить трап и всей командой – к воротам. Монахи сами вывезут к нам мешки. Наше дело – перетащить зерно на судно.

Для команды таскать и грузить товар – дело обычное.

Сбросили трап на причал, команда сошла на берег. У открытых ворот уже стояло двое иноков с небольшой тележкой, на которой лежало несколько мешков. Парни из команды взвалили на плечи по мешку и, крихтя, потащили. Зерно в мешках – груз изрядный, пуда четыре-пять весом.

Четверо из команды ушли за другой партией мешков, а Михаил и еще трое из команды судна остались стоять у ворот.

Внезапно за кустами на другом берегу Солотчи защелкали луки. Ширина реки в этом месте не превышала полусотни метров, и стрелы нашли свою цель. Парни, притащившие мешки на судно и сложившие их в трюме, попадали замертво.

Из-за кустов появились конные всадники и направили коней в воду. Кони поплыли, отфыркиваясь, а татары держались за седла и хвосты коней. Видимо, они знали, где находится монастырь, и теперь решили ворваться в него.

Парни из команды сообразили это сразу и юркнули за ворота. Один из них схватил Михаила за руку:

– Чего встал, как соляной столб? Стрелу татарскую в брюхо получить хочешь?

Михаил сбросил оцепенение. Все происходило, как в дурном кино. А парни с судна вместе с подоспевшими монахами уже закрывали тяжелые, окованные железными полосами ворота. Затем задвинули два дубовых запора. А со стен кричали:

– Татары! Все на стены!

Из монашеских келий выбежали иноки в подрясниках. Они бежали к амбару, где хранилось оружие. Выбегали оттуда – кто с копьём в руках, кто – с мечом, и сразу взбирались на стены. Судя по тому, как четко и деловито они это делали, оборонять монастырь им было не впервой.

А за стеной уже кричали и улюлюкали.

Михаил, как и другие, взобрался на стену и увидел – на суденьшке с двумя татарами дрался топором Илья. Басурмане пытались достать его саблями. Но купец прижался спиной к борту, не давая татарам зайти сзади, и боевым топором успешно отбивал татарские выпады.

Михаил заметался по стене. Сверху над помостом был навес из бревен, укрывавший от стрел или непогоды. Передний обзор был возможен только через узкие бойницы. Помочь бы надо Илье, тяжело ему одному против двух врагов. Человек на помощь надеется, ведь монастырь рядом.

– Помогите же кто-нибудь! – взмолился Илья.

– Чем? Ворота открывать нельзя. Татары в монастырь ворвутся – тогда всех вырежут. Нас тут всего четыре десятка иноков вместе с послушниками. Стены оборонять надо, тогда есть шанс уцелеть.

Но и смотреть со стороны, как убивают купца, не было сил.

В это время внимание всех переключилось на атакующих. Татары, гарцуя на конях, поочередно метали в бревенчатые стены копьё. Их лезвия глубоко входили в дерево.

Сначала монахи язвили, что сил у басурман не хватит, поскольку копьё не доставали до верха стены. Но потом им стало не до мелких шуточек. Один из татар с ходу, стоя на крупе коня, подпрыгнул, ухватился за древко копьё, подтянулся, перебрался на второе копьё – повыше, и, как обезьяна, стал взбираться наверх. За ним последовал второй, третий... Копьё образовали своего рода лестницу, опору для рук и ног атакующих.

Как только первый татарин показался над стеной, один из монахов рубанул его мечом. Татарин полетел вниз, сбивая с копий своих соплеменников.

Татары отбежали и стали стрелять из луков, метя в бойницы.

Один из послушников упал замертво – из глазницы его торчала стрела. Михаил заметался по стене. У монастырских оружие, а у него руки пустые.

Он сбежал по лестнице. Навстречу шел почтенных лет монах с совершенно седой бородой.

– Где можно оружие взять? – с ходу спросил его Михаил.

– Владеешь ли чем? – деловито осведомился старец. – Пойдем со мной.

Он завел Михаила в деревянную избу. В изрядного размера комнате было что-то вроде оружейни. На полках лежали щиты, кучки стрел, мечи, в углу стояли копья и сулицы, на стене висела пара луков. К сожалению, пользоваться ими Михаил не умел.

– Выбери, – повел рукою монах.

Михаил решил взять что-нибудь попроще – боевой топор или железную палицу. Взгляд его упал на нечто, покрытое рогожей, из-под которой выглядывало подобие приклада.

– А это что? – Михаил отдернул рогожу.

– Так самострел. Хочешь – бери.

Михаил взял в руки арбалет. Штука несколько неуклюжая. На грубоватую ложу спереди прикручены плечи, снизу вместо спускового крючка – спусковой деревянный рычаг. Видел он такие в музее и на фото в Инете.

– Тетива есть?

Старец нашел и тетиву, и арбалетные болты – вроде коротких стрел, только без оперения. Все протянул Михаилу.

– Ты не из подлого ли сословия? – спросил он.

Михаил замешкался с ответом. Что такое «подлое сословие»? Лишь позже он узнал, что так, в отличие от дворян, называли простолюдинов, а не разбойников или воров, как он сначала подумал.

– Знаком с самострелом?

– Разберусь, – коротко бросил Михаил. Уж если он со сложными авиационными двигателями разбирался, то с арбалетом и подавно должен.

Он вышел во двор. Сюда периодически залетали татарские стрелы – басурмане пытались расстрелять защитников монастыря из луков. Но монахи и послушники явно обладали опытом отражения атак. Без нужды они не высывались из бойниц, а, как только татары пытались взобраться на стену, сбрасывали на них приготовленные и сложенные на помосте стены грудами булыжники.

Михаил внимательно осмотрел оружие. Устройство его было довольно простым и интуитивно понятным.

Он с трудом натянул на плечи арбалета тетиву. Довольно толстая, едва ли не в палец толщиной конопляная перекрученная веревка потребовала значительных усилий. У ложа впереди, где крепились плечи, было железное стремя. Михаил сунул туда носок ступни, потянул. Плечи арбалета изогнулись, тетива встала на взвод. А уж дальше – проще некуда. Он наложил арбалетный болт на желоб, и арбалет был готов к действию.

На Руси арбалеты не были широко распространены. Полевая форма боя татар и русских предполагала в основном действия конницы. Перезарядить арбалет, сидя на коне, было затруднительно, и потому пользовались луками.

Но арбалет, в отличие от лука, не требовал большой физической силы и постоянных упражнений в стрельбе. Поэтому бояре, боярские дети и люди благородного сословия сразу решили, что пользоваться арбалетом – удел подлого сословия.

Применяли их в основном для обороны или осады крепостей – то есть там, где не требовалась мобильность. Вес арбалетного болта доходил до ста граммов, убойная дальность – до двухсот метров, а броню в виде кольчуги или колонтаря болт пробивал с расстояния до два-

дцати пяти-тридцати шагов. Щиты надежным укрытием от арбалетного болта не являлись – в отличие от стрелы, пущенной из лука.

На Руси арбалеты величали самострелами. Существовали они в крепостях иногда довольно больших размеров, и вместо болтов использовали круглые камни или небольшие свинцовые ядра.

Михаил решил испытать арбалет и вскинул его к плечу. Прицельных приспособлений не было, но его и по болту навести можно было.

Он навел арбалет на торец бревна и нажал на рычаг. Щелкнула тетива, и почти без промежуток в бревно ударил болт.

Михаил подбежал и увидел, что болт попал довольно точно. Он попробовал его вытащить, но болт сидел прочно. Михаил качнул его за древко в одну сторону, другую. Древко обломилось, а наконечник так и остался в глубине бревна.

Михаил снова взвел тетиву, побежал к стене, взобрался на помост и осторожно выглянул в бойницу.

Мертвый Илья лежал на палубе ушкуя рядом с убитым татаринном. Еще несколько татар, откинув трюмный люк, пытались определить – есть ли там что-либо ценное? В стороне группа татар человек из двадцати, сидя на мохнатых лошадях, спорили, показывая пальцами на монастырь.

Михаил навел арбалет на одного из татар на ушкуе и нажал на спуск. Болт попал татарину в спину, точнехонько между лопаток, и басурманин рухнул в трюм.

Остальные на потерю соплеменника не обратили внимания. Арбалет – не ружье, выстрела не слышно. Прямо оружие спецназа для тайных операций.

Михаил взвел тетиву еще раз, наложил болт. Теперь он целился в татарина, сидящего на коне спиной к нему, Михаилу. Спину самого татарина прикрывал небольшой круглый щит. Вот по нему-то и прицелился Михаил – умбон щита был как яблочко на мишени.

Михаил нажал на спуск. Болт попал в щит, пробил его и татарина. Тот завалился сначала на шею коня, а потом сполз на землю.

Татары закричали разом и принялись осыпать монастырские стены стрелами. У каждого из них за спиной висел колчан, и стреляли они довольно шустро. Стрелы с глухим звуком впивались в стены.

– Эй, добрый молодец, не расходуй попусту стрелы. Они тебе еще пригодятся, когда басурмане на приступ пойдут, – посоветовал ему монах, стоящий на помосте метрах в пяти от Михаила. В руках он держал боевой шестопер – оружие мощное, требующее большой физической силы. Такой шестопер мял латы и кирасы, как картон, ломал ребра и кости, от него не защищал стальной шлем. Как заметил Михаил, у большей части татар на головах были мисюрки – плоские, вроде чашки, шлемы.

Обозленные потерей двух воинов, татары снова полезли на стены. Только теперь они выбрали другую тактику. Половина татар на конях отъехали метров на пятьдесят-семьдесят, а другая половина начала штурм. Как только кто-то из защитников высовывался в бойницу, по нему одновременно стреляли два-три татарина.

Смена тактики принесла плоды. Уже двое послушников бились на помосте в предсмертной агонии.

При такой тактике татары имели шансы прорваться на стены и добраться до ворот. Тогда внутри ворвутся конные, и никому из русских не уцелеть.

Двое монахов довольно крепкого телосложения подтащили к стене котел с кипящей водой, стоявший до того на костре, и опрокинули его на татар, ползущих на стену. Дикая крики и вопли, шум падения тел были результатом.

Михаил немного отступил от бойницы, и теперь снизу, со стороны татар, попасть в него из лука было невозможно. Но сам он видел головы татарских лучников. Прицелился, нажал на рычаг. Голова татарина исчезла из поля зрения.

Он взвел арбалет снова, наложил болт. Сдвинувшись немного вправо, выцелил еще одного лучника и угодил болтом ему в лицо. Он даже успел увидеть, как лучник запрокинулся назад, на круп лошади.

Слева от Михаила раздался крик. На стену взобрался татарин и снизу, от пояса, ткнув саблей в шею послушника, молодого парнишку, спрыгнул на помост.

Михаил отбросил арбалет, поскольку времени зарядить его просто не было, схватил из кучи здоровый, почти в два кулака, булыжник и с силой запустил им в татарина. Тот попытался уклониться, и камень попал в правый плечевой сустав. Татарин вскрикнул и выронил саблю. Левой рукой он выхватил нож, висевший на поясе, и шагнул к Михаилу, но тут же покачнулся и упал. Сзади за татариним стоял монах с окровавленным топором в руке.

– Что ж ты его камнем-то? Сабельку подбери.

И в самом деле, кроме арбалета, никакого другого оружия у Михаила не было.

Он подобрал саблю, покрутил ее в руках. Куда ее девать? За пояс заткнуть – так и сам обрежешься ненароком.

Морщась от отвращения и сдерживая рвотные позывы, он перевернул татарина, расстегнул на нем пояс, к которому были прикреплены ножны, перепоясался и вложил в ножны саблю.

И вот, сабля-то теперь есть, да как ею работать в бою?

Видел он как-то по телевизору спортивный поединок на шпагах. Скорость такая, что за кончиком шпаги уследить невозможно – только на замедленных повторах.

Михаил чувствовал, что у него огромный пробел, дыра огромная в познаниях. Мысленно Михаил дал себе слово, что если ему удастся выбраться живым из монастыря, он возьмет несколько уроков владения холодным оружием у опытного воина. Мастером, конечно, он не станет, но хоть защитит себя сможет. Пацифистом быть хорошо, но только до определенного предела. И сейчас здесь, в монастыре, он бился не столько против степняков, сколько за свою жизнь.

Татары, потеряв несколько человек убитыми, прекратили атаку и отошли от стен монастыря.

– Нам бы еще день-два продержаться, – подошел к нему монах, зарубивший топором татарина. – Басурмане – они какие? Набежали, нахапали трофеев, повязали людей в полон – и назад, в степи, пока войско наше не подошло. В открытом бою воевать они не любят, потери большие. У монастыря их уже десяток полегло. Могут уйти, пограбить и пожечь села и деревни – там трофеи проще взять. Тебя как звать-то?

– Михаил.

– А меня – Данила, послушник я.

– А я с судна. Купец наш погиб, и половина команды тоже.

– Видел я. Только и команды твоей тоже нет, один ты остался.

– Не может быть!

Поскольку татары атаки прекратили, монахи и послушники снимали со стен убитых и сносили их к лабазу. Все верно. Четверо в черных подрясниках, монастырские, и трое – в гражданской одежде, из его команды.

Плохо для Ильи закончилась покупка ржи. Плыл бы себе по Оке мимо Переславля и монастыря – небось в живых бы остался. Да и кто может знать свою судьбу? Один Господь!

Злопакастные татары решили, что если они не могут взять трофеи в монастыре, то его следует сжечь дотла, и принялись метать зажженные стрелы. Стрелы падали на землю, где не могли причинить вреда, на крыши. Это уже было хуже, поскольку крыши были покрыты деревянными плашками.

Монахи полезли на крыши, чтобы предотвратить пожар. Снизу им подавали ведра с водой, и они заливали горящие стрелы и кое-где уже начавшие тлеть деревянные плашки.

Теперь большая часть монастырских боролась с огнем, на стенах остался Михаил и шестеро послушников. Михаил не упускал случая подстрелить татарина, если тот неосторожно приближался к монастырским стенам.

Один из татар решил поджечь ушкуй, побежал к нему с факелом и уже успел взобраться до середины трапа, как Михаил всадил ему в спину болт. Татарин вместе с факелом рухнул в воду.

Факел зашипел и погас, а тело убитого, отягощенное железом – кольчуга все-таки, шлем, сабля и нож, вместе взятые, весили немало, – пошло ко дну, пустив воздушный пузырь.

Татары опасливо потолкались по берегу, но в воду за убитым никто не полез. Конечно, степняки плавать не умеют, к тому же на них доспехи – побоялись, что сами пойдут на дно.

Видя, что попытки зажечь монастырь безрезультатны, татары сели на лошадей и поскакали прочь.

– Вот паскудники, к Зачатьевскому монастырю направились, – заметил Данила.

– Отобьются, – махнул рукой Михаил. – Мы же отбились.

– Монастырь-то женский! Известить бы их как-то надо!

– Точно! Я к настоятелю побег!

Вскоре с колокольни раздался частый, тревожный звон. Его должны были услышать в соседнем монастыре и успеть хотя бы закрыть ворота. Селяне в окрестных деревнях тоже могли иметь время схватить детей и увести их в леса. По лесам татары не шастают, в лесу разгона для конницы нет, да и лошадь может ногу сломать, попав в барсучью нору.

А через несколько минут издалека донесся ответный колокольный звон. Зачатьевский монастырь подавал знак, что сигнал услышан, понят.

– Воздадим хвалу Господу, что он отвел беду от монастыря, уберег братию.

Монахи и послушники направились в храм Рождества Пресвятой Богородицы, преклонили колени.

Седобородый старец оказался настоятелем. Он остановил Михаила у входа в храм.

– Ты православный ли, муж храбрый?

Михаил молча вытащил из-за ворота крестик на цепочке. Настоятель впился в него взглядом.

– Проходи.

Михаил встал за монахами. Кто он здесь? Чужак! Когда крестились все, крестился и он, отбивая поклоны. После молитвы показалось, что на душе просветлело как-то.

Монахи обмыли погибших, одели в чистые одежды и стали рыть в углу монастыря братскую могилу. Здесь уже было небольшое кладбище. Кто-то из проживавших здесь ранее монахов почил своей смертью, другие погибли при защите монастыря.

На обряд отпевания Михаила не допустили. Вроде слышал он от кого-то, что монашествующих отпевают по особому чину.

После похорон монахов, послушников и членов команды монахи поднялись на стены и доложили, что врага не видно. Только тогда настоятель разрешил отворить одну створку ворот. Рядом с ней встали двое вооруженных монахов. Еще трое, в том числе и Михаил, вышли из монастыря. Надо было по христианскому обычаю предать земле Илью и четверых из судовой команды.

Убитых брали по двое, а один осматривал окрестности, был в дозоре – ведь татары могли внезапно вернуться.

После того как все тела оказались за монастырскими стенами, послушник Данила и Михаил обошли убитых татар, коих числом насчитали двенадцать. Они сняли и отнесли в

монастырь оружие погибших, потому как оно могло пригодиться в дальнейшем самим монахам, да и стоило железо дорого, можно было выгодно обменять его на что-то нужное.

Дотемна они едва успели отпеть и похоронить членов судовой команды. Монахи, а глядя на них, и Михаил, обмылись из бочек с водой и сели за поминальную трапезу. После боя и последующего рытья могил все устали, и настоятель это понимал. Он выставил двоих караульных на стенах, а остальным разрешил отдыхать, предупредив, однако, чтобы к заутрене все были.

– Данил, возьми к себе в келью Михаила, я вижу – меж вами приязнь.

Данила склонил голову.

Спать они улеглись на жестких ложах, но Михаил уже привык – спал же он на досках палубы целый месяц.

Уснули мгновенно. Утром его растолкал Данила.

– Темно же еще, – вздохнул Михаил.

– Вставай. Пока умоешься, а там и на заутреннюю службу пора.

Пришлось вставать, ведь недаром говорят, что в чужой монастырь со своим уставом не ходят.

После молитвы скромный завтрак – хлеб и квас.

Настоятель подозвал к себе Михаила:

– Один ты ноне остался. Что делать думаешь?

– В Москву бы мне, – осторожно сказал Михаил.

– Один ты судно до Москвы не доведешь. Оставайся в монастыре. У нас татары четверых живота лишили, еще трое с ранами лежат. В монастыре храбрые мужи нужны, а мне монахи сказывали, что ты от боя не уваливал, за чужими спинами не прятался.

– Не готов я пока, игумен.

– Ты думаешь, князь Олег Иоаннович монастырь здесь поставил только для веры, для спасения душ? Монастырь сей с полуночной стороны Переславль от врага прикрывает.

– Не сомневаюсь.

– Ты бы подумал, я ведь тебя не тороплю. Походи по монастырю, спроси у своего святого совета – он тебе правильное решение подскажет.

– Хорошо.

Михаил и в самом деле обошел монастырь. Был он по численности не маленьким, до схватки с татарами сорок душ имел, а ведь большая часть монастырей по десять-двадцать монахов имели. Были, конечно, и большие, например – Троице-Сергиева лавра, где в эти годы находилось до семисот монахов и послушников. Только не хотелось Михаилу запирасть себя в четырех стенах, служить только Богу. Ему казалось, что он должен посмотреть на Русь, коли он волею судьбы попал сюда, а кроме того, он полагал, что найдет применение своему уму и знаниям.

Из святых он знал иконы Николая-угодника и Пантелеймона. Он постоял у этих икон, помолился, испросил совета, как ему поступить. Однако молчали иконы, не давали совета.

После вечерней молитвы он подошел к настоятелю.

– Я все-таки решил добираться до Москвы.

– Как знаешь. Видно, Бог ведет тебя другой дорогой. Купец твой за рожь заплатил сполна, потому завтра монахи снесут тебе на судно недостающие мешки.

– Настоятель, не смогу я один судно против течения в Москву пригнать.

– Набери в Переславле команду.

Михаил задумался. Чтобы набрать команду, нужны деньги.

Настоятель как будто прочитал его мысли.

– В одежде купца денег не было. Потому поищи на корабле потаенное место.

– За совет спасибо.

– А впрочем, дам я тебе одного человека – знаконца твоего, Данила. Мне все равно в Алексин человека с письмом посылать надо.

– Благодарю сердечно, но одного мало.

– Чем могу.

Настоятель дал понять, что аудиенция окончена. На прощание сказал:

– Передумаешь – возвращайся, приму, – и перекрестил Михаила.

Он уселся во дворе монастыря на камень. Даже вдвоем им с ушкуем не управиться. Если будет попутный ветер, можно поднять парус. Он на рулевом весле, Данила – у паруса. Река широкая, отмелей и перекаатов быть не должно. Но если ветер стихнет, придется стоять у берега. Или, если повезет наткнуться на рыбацкую деревню, набрать людей. Возвращаться к Переславлю не хотелось. Это двадцать километров туда и столько же обратно одному, а по земле рязанской татары рыщут. Нет, надо убираться отсюда поскорее.

Вечером он рассказал в келье Даниле, что настоятель посылает вместе с ним и его, Данилу, с письмом в Алексин.

– Знаю уже, дал мне настоятель такое послушание, – коротко ответил Данил.

После утренней молитвы и завтрака братия вывезла и помогла погрузить в трюм мешки с рожью. Судно сразу просело.

Михаил и Данила веслами оттолкнулись от берега и, осеняемые крестными знаменами монахов, вывели суденышко на середину Солотчи, а из нее – в Оку. Течение подхватило судно, развернуло боком и поволокло вниз, к Переславлю.

– Данила, ставь парус.

Послушник шкотами с трудом поднял парус – обычно это делали два человека. Парус хлопнул на ветру и развернулся.

Михаил налег на рулевое весло. Тяжело груженное судно плохо слушалось руля, но парус выправил положение.

Ветер был не сильный, но ровный, и ушкой постепенно лег на курс. Михаил направил его ближе к берегу, где течение было не такое быстрое. Сразу вспомнилось все, что говорили Илья и Георгий, управляя корабликами. Эх, надо было самому расспрашивать, только кто же знал, что их опыт ему пригодится? Стать купцом или судоводителем он никак не собирался.

Журчала за бортом вода, в спину дул ветерок, светило солнце – вроде бы жить да радоваться надо. Не убит, не ранен после набега татарского. Но кто он в этом мире? Нет ни дома, ни семьи, куда нормальный человек стремится вернуться после долгого и опасного похода. У него тут не было прошлого, он не записан в церковные книги о рождении, нет друзей, нет работы. Не человек, а привидение какое-то, виртуальное создание. Вроде при прикосновении он чувствует тепло, при уколе – боль. Живой человек из плоти и крови, и в то же время нет его. Явился из ниоткуда, исчезнет в никуда – никто и не заметит. Страшное состояние своего существования здесь и одновременно условности этого существования.

Михаил задумался, отвлекся от управления, и ушкой подошел близко к берегу.

Вывел его из задумчивости послушник, который закричал:

– Михаил, уснул, что ли? Скоро в берег врежемся!

Михаил виновато улыбнулся и налег на рулевое колесо, поправляя курс и отводя ушкой подальше от берега. Голова была полна мыслями. Куда в Москве девать товар и судно? Что делать дальше? А может, и в самом деле заняться торговлей? Судно у него есть, товар – тоже. Продать его – будут деньги; снова купив и продав то, что пользуется спросом в других землях, можно получить прибыль. Но для этого надо набрать команду и решить – для себя в первую очередь, – какая у него цель? Если обогатиться, то можно заняться торговым делом. Потом даже дом можно купить и жениться. Или посмотреть земли русские и найти ту проклятую пещеру, которая неведомым образом перенесла, переместила его в другое время? Много вопросов, и нет ответов; и вариантов жизни здесь тоже несколько.

Михаил решил себя не мучить, а решать проблемы одну за другой. На данный момент, в самое ближайшее время ему надо обзавестись оружием и командой. Ценность, силу и значимость оружия он уже осознал. Пожалуй, еще о провизии подумать надо.

Река делала плавный поворот. Ветер подул сильнее. Данила радовался – он перебрался поближе к Михаилу на корму.

– Я ведь тоже далеко не забирался, интересно посмотреть, как в других землях люди живут, – начал он.

– Ты ведь послушник, не монах, стало быть – недавно в монастыре. А до того где жил?

– В деревне. Как все, с отцом пахал и сеял, собирали урожай. А о прошлом годе мор у нас случился, за две седмицы вся деревня вымерла. И отец помер, и матушка, и братья мои. Схоронил я их. В мертвой деревне оставаться страшно было, вот и подался в монастырь. Раз я один выжил, значит, Господу так угодно.

– Невеселая у тебя жизнь, – подытожил Михаил.

– Я вот гляжу – ты торгуешь, на корабле плаваешь, другие земли повидал. Наверное, интересно.

– Интересно. Только ведь я не купцом был – просто в команде. А самого купца татары на судне убили.

– Я видел, – кивнул Данила, – он против двоих татар дрался. Помочь бы ему надо было, да настоятель запретил ворота открывать, боялся, что татары в монастырь ворвутся. Я вот, как приму постриг, хочу во Владычный полк податься.

– Не слышал о таком.

– При митрополите есть, там только монахи служат, воинскую службу несут. Одежа и оружие у них лучше, чем в дружине Великого князя.

– За веру с мечом сражаться хочешь?

– Есть такие думки.

Ветер начал стихать, и к вечеру совсем успокоился. Спустив парус, Михаил и Данила с трудом, на веслах, загнали ушкуй в небольшой залив или бухту. Михаил спрыгнул на берег и веревкой привязал судно к дереву, чтобы не унесло течением. Теперь можно было приготовить кулеш.

– Данила, бери топор, разводи костер.

Послушник отправился заготавливать дрова, а Михаил спустился в трюм. В носовой его части, за загородкой, хранились продукты для команды. Он нашел крупу в мешочке, соленую рыбу, небольшой шмат сала и сухари. Пища непритязательная, но долго не портится и после варки вполне сытная. Вот только... Михаил обшарил все, но соли не нашел. У членов команды соль висела на поясе.

Михаил махнул рукой – он решил бросить в кулеш несколько кусков вяленой рыбы.

Кулеш получился неплохим, но Михаил не рассчитал, и сварил больше, чем они могли съесть вдвоем.

Наелись от пуза.

– Эх, благодать Божия! – растянулся на траве Данила.

– Ты отдыхай, а я пока покараулю. Потом ты меня сменишь.

– Как скажешь, – Данила повернулся на бок, сунул руку под голову и уснул.

Пока было светло, Михаил решил посмотреть, что за груз в трюме. Ну, мешки с рожью – это понятно. Они лежат по центру – для остойчивости. Но были и другие мешки и тюки, которые грузили на ушкуй на Макарьевской ярмарке. Они лежали в носовой части и ближе к корме.

Михаил развязал один мешок и вытащил лисью шкурку, за ней – другую. Понятно, купец на ярмарке меха взял. Михаилу вдруг вспомнилось, что купец писал на восковой дощечке. Где же он ее хранил? Наверняка учет товару вел.

Михаил внимательно осмотрел трюм. В одном месте, на корме, доска была захватана руками, как будто засалена.

После нескольких манипуляций доску удалось вытащить. За ней был небольшой тайник – с локоть во все стороны. Там и табличка нашлась, и мешочек с монетами. Ну, монеты он потом пересчитает, а табличку надо прочесть.

Он вылез на палубу, но сколько ни тшился, прочитать табличку не получалось. Первую букву, согласную, читал. А дальше тоже шли согласные: то ли шифровал купец свои записи, то ли сам для себя сокращал?

Михаил оставил табличку в тайнике. Он развязал мешочек и высыпал монеты на ладонь – тяжелые золотые и легкие серебряные, с непонятными словами. Есть надписи на латыни, есть – арабской вязью. Надо будет показать Даниле, может – он подскажет?

Данила проспал полночи, прежде чем Михаил разбудил его.

– Твоя очередь караулить. Смотри не спи, лихих людей хватает.

– Разумею.

Данила взял топор и устроился на носу судна, а Михаил улегся на палубе.

Утром, проснувшись, он первым делом взглянул на нос ушкуя. Данилы на месте не было. «Сбежал?» – мелькнула мысль. Михаил вскочил.

Однако зря он подумал плохое. Данила уже запалил костер и, стоя в стороне, лицом к востоку, с отрешенным видом читал молитву, шевеля губами и крестясь.

Ветра не было совсем, и Михаил упал духом – вдвоем против течения им не выгрести. Предстоял вынужденный отдых.

Они поели вчерашнего кулеша, не спеша сгрызли по вяленому лещу.

– Данила, помоги прочитать, что купец записал.

– Сам грамоту не разумеешь?

– Да что-то мудрено.

– Неси.

Михаил достал восковую табличку, спрыгнул с борта на берег.

Данила молчал пару минут, вглядываясь в текст.

– Да все понятно. Смотри: лиса – два десятка. Надо полагать, речь о шкурках.

– Именно.

– Бобер – два десятка; енот – пять и еще десять; белка – пять десятков.

– Подожди-подожди, что-то у тебя ловко получается.

– Давай вместе.

Данила водил пальцем по записям и медленно читал вслух. Михаил понял свою ошибку – он не знал орфографии и некоторых букв славянского алфавита. При письме оставались согласные буквы, и только иногда вставлялись гласные, а слова писались без промежутков. И, кроме того, некоторые буквы имели непривычный вид. Та же буква «я» – она была похожа на «а». Далее, его сбили с толку меры длины – ведь одной из записей было: сукно немецкое – восемь арш.

«Арш» оказался аршином. Все встало на свои места. Теперь он знал, что хранится в мешках. Цены бы теперь узнать, только вряд ли Данила поможет.

– Спасибо. А про деньги объяснишь?

– Не, не могу. Я, кроме медного пула, других денег в руках не держал. Псковское пуло от новгородского или московского отличу, а ежели у тебя серебро или золото – то, прости, сам не видал.

– И на том спасибо.

По незнанию, Михаил считал, что большевики убрали из алфавита старорежимное «ять». Однако дело обстояло намного хуже. Малограмотный Данила смог легко прочитать то, что он, человек с высшим образованием, счел за зашифрованную тарбарщину.

Они сидели на берегу до полудня, провожая глазами редкие проплывающие суда. Они шли под веслами. Михаил решил про себя, что в первом же встречном городе наберет нескольких гребцов. Все равно Данила плыть вместе с ним до Москвы не будет, ему в Алексин надо, а это на половине пути.

Далеко за полдень поднялся едва ощутимый ветер, который постепенно усиливался. Михаил с Данилой отвязали судно, веслами вытолкали его на чистую воду, поставили парус. Ветер расправил прямоугольную холстину и повлек судно вперед.

А к вечеру впереди показался город.

Они причалили к пристани, принайогили ушкуй. Тут же появился неказистый мужичок.

– Сколь стоять будете?

– До утра точно, а там видно будет.

– Одна медяха за постой.

Михаил расплатился.

– Что за город?

У мужика высоко взлетели брови.

– Так Коломна же. Это Ока, а вон – Москва-река. Ты что, не был в этих краях?

– Не довелось.

– А команда где? – не унимался мужичок.

– Татары побили на Солотче.

– У монастыря?

– Там отсиживались.

– Монастырь-то цел?

– Пытались штурмом взять – отбили, татары стрелы огненные еще метали. Только Господь не дал свершиться святотатству, – вступил в разговор Данила.

– Ох, прости, святой отец! Благослови!

– Не священник я пока, не монах даже – послушник просто.

– Вы первые, кто про нападение татар сказал.

– В Переславле ворота городские закрыты и торго нет.

– Вона как!

– Ты лучше подскажи, где мне людей в команду набрать, – перевел разговор на другую тему Михаил.

– И подскажу! Кто лучше меня знает, где лучшие люди? Сколько гребцов надо?

– Четверых, а можно шестерых.

– О-хо-хо, – перекрестил рот мужичок. – Побегать придется. – Он хитро посмотрел на Михаила. Тот правильно понял намек.

– Ежели утром, в крайнем случае – до полудня, найдешь шестерых, только не пьяниц и не лентяев, получишь за труды медный пул.

– Два, и по рукам.

Михаил и мужичок пожали друг другу руки, скрепив тем самым устный договор.

Данила улегся спать, рядом пристроился Михаил. Данила все крутился, не мог уснуть.

– Ты чего не спишь, Данила? – не выдержал Михаил.

– Расставаться с тобой жалко.

– Как расставаться?

– Мы же в Коломне. Тебе по Москве-реке к городу подниматься надо, а мне искать попутчиков – кто по Оке пойдет. Ты не забыл, что мне в Алексин с письмом от настоятеля надо?

– Не забыл. Только я думал – мы вместе до Москвы поплывем.

– Так это ж крюк какой!

Михаил сам расстроился. Данила – парень хороший, на него положиться можно. Уйдет он, и Михаил останется совсем один.

– Может, останешься со мной? – предложил Михаил.

– Нет, не могу. Письмо доставить надо, и из монастыря уходить нельзя.

– Ты же не монах – послушник только. Пока можно назад отыграть.

– Я Господу засулился, что до конца дней моих служить ему буду. А с тобой? Купцу ведь деньги надобны, а душа? Ее ни за какие деньги не купишь.

– Это верно. Только привык я к тебе, расставаться неохота.

– Мне тоже. Только ведь это не навсегда. Будешь проходить на судне своем мимо монастыря – остановись на ночевку, тут и свидимся.

Михаил только вздохнул. Где он будет, как сложится его жизнь дальше – никто не знает.

Да и доведется ли свидеться еще?

Парни поговорили еще немного и уснули поздно.

Утром же были разбужены вчерашним мужичком.

– Хозяин, так все деньги проспишь! Людей я тебе привел.

Михаил и Данила продрали глаза. На причале стояли трое бородатых мужичков лет сорока.

– Так мы же договаривались о шестерых?

– Скоро и другие подойдут.

– Тогда и деньги получишь.

Мужики оказались из одной слободы. Раньше они плавали с купцом, но у того плывущим бревном-топляком пробило обшивку корабля, и судно затонуло вместе с товаром. Они трое спаслись, но остались без работы.

– На сколь нанимаешь, хозяин?

– До конца сезона, – на всякий случай сказал Михаил. Он и сам не знал, что будет завтра, но скажи им сейчас, что до Москвы – так не согласятся.

– Как платить будешь?

– Прежний купец сколько платил?

– Медный пул за седмицу, ну и харчи твои.

– Согласен.

Михаил не знал, сколько стоит эта работа, но, похоже, не врут мужики.

Мужики степенно взошли на ушкуй.

Пока Михаил прощался с Данилой, сунув ему за помощь серебряную монету в руку, мужики успели облазить ушкуй.

Данила отгалкивал деньги, говорил, что он с Михаилом по наказу настоятеля, но Михаил был непреклонен.

– Тебе же до Алексина еще добираться надо, кушать в дороге. Бери, чудака-человек, я тебе от чистого сердца предлагаю.

Он обнял Данилу, стиснул в объятиях.

– Свидимся еще. Ступай.

Данила осенил Михаила крестным знаменем, повернулся и пошел по пристани искать попутное судно. Вроде и недолго они были знакомы, но опасности и трудности сближают.

Глава 3

Москва

Только к полудню мужичок привел в команду еще троих гребцов. Двое не понравились Михаилу сразу. Опухшие рожи со шрамами, звероватые взгляды, заросшие бородами по самые глаза лица. Одежка хоть и не рваная, но какая-то затасканная, давно не стиранная.

Третий отличался от них сильно – молодой парень с румянцем на щеках, под рубахой бугрились мускулы.

– Вот, привел! – с облегчением выдохнул мужичок.

– Э, нет. Вот эти двое мне не надобны. А парня беру.

– Да где же мне еще их искать?

– Ладно, мне пока четверых хватит. Вот тебе два пула, а этих двоих не возьму, забирай назад.

На причале остался парень.

– Ты чего стоишь? Поднимайся на судно, отходить будем.

Парень ловко перемахнул через борт.

– Тебя как звать?

– Афанасием.

– Кладу тебе пул за седмицу, как всем. Согласен?

Парень кивнул.

– Тогда отходим.

От бревна отвязали веревку, отошли от причала. Мужики споро подняли парус. Суденышко заскользило по волнам.

К Михаилу подошел один из мужиков.

– Хозяин, нам как тебя звать-величать?

– Михаилом.

– Ты прости за слова мои. Правильно сделал, что тех двоих не взял. Пьяницы они в Коломне известные. Каждый день на постоялом дворе пиво да бражку пьют, а потом дерутся. Никчемные людишки!

– Я уже понял.

– А судно у тебя хорошее, из тесаных досок, а не пиленых. И смолили его по весне хорошо. Видно, владелец толк понимает. А команда-то где?

– На Солотче полегла, от татар отбиваясь.

– Понятно. Бывает, в команде заболел кто или умер от лихоманки, тогда нового человека берут. А тут – целиком всех. Мы сначала засомневались – не обман ли какой?

Конечно, Михаила в Коломне никто не знал – добрый он или злой, не обманет ли при расчете? Он сразу решил развеять сомнения.

– Тебя как звать? – спросил он подошедшего.

– Григорием.

– Будешь старшим.

Он отсчитал четыре медных пула и отдал их Григорию.

– Раздай всем – вроде задатка, чтобы не сомневались.

– Благодарствуем.

Мужики увязали монеты в тряпицы и спрятали за пояса.

К вечеру пристали к берегу. Мужики сами споро, без команд разожгли костер и приготовили кулеш.

Потом, сняв пробу, позвали Михаила. Съесть первую ложку должен был он, дав сигнал к началу трапезы.

После ужина, облизав ложку, Григорий сказал:

– Припасов мало, подкупить надо, хозяин.

– До Москвы хватит?

– Хватит.

– Там и купим.

Улеглись спать на палубе. От воды тянуло сыростью. Маловат кораблик и не обустроен, кают нет. А если дождь? Ведь осень через два месяца. И плащей или клеенчатых дождевиков тоже нет. Трудно речникам, кусок хлеба потом и кровью достается.

Михаил уснул.

Ему показалось – только глаза сомкнул, а уже за руку дергают.

– А, чего?

Жесткая рука зажала рот.

– Тихо, хозяин, – это я, Афанасий, – прошептали в ухо. – Чужие рядом.

– Кто? – прошептал в ответ Михаил.

– Откель мне знать? Думаю, лихие людишки. Надо бы команду будить и оружие какое-нибудь.

– Буди, только тихо, – распорядился Михаил, а сам ужом устремился к трюму – там лежали два топора и татарская сабля.

Когда он выбрался наверх, вся команда уже проснулась и пряталась у борта в тени – ночь была лунной, и видно было хорошо.

Мужики взяли топоры, саблю Михаил оставил себе – боязно было оставаться без оружия. Он уже испытал это чувство в Солотчинском монастыре.

Кусты на поляне, где было кострище, раздвинулись, и вышли двое. Ба! – узнал их Михаил. Да это же старые знакомые, которых мужичок в Коломне к нему приводил! Видно, пешком или на лошадях за ушкуем двигались.

У одного в руках в лунном свете поблескивал нож.

– Иди ты первым, – сказал один.

– Нет, давай сразу оба.

Осторожно ступая, мужики по трапу поднялись на ушкуй.

Григорий, тут же встав во весь рост, гаркнул:

– Бросай нож!

Один из налетчиков бросился по трапу назад, на берег. Второй же выставил нож вперед и кинулся на Григория. Но его сбоку ударил топором Глеб – из тех, кто пришел с Григорием.

Разбойник взвыл, выронил нож и упал на палубу. Под ним растекалось кровавое пятно.

– Второго догнать? – проявил решительность Григорий.

– Темно, не найдете; к тому же в темноте он кого-нибудь ножом пырнуть может. С этим-то что делать будем?

– А что с татями делают? За борт его, и дело с концом.

– Вроде человек он, нехорошо как-то, – засомневался Михаил.

– С татями всегда так. Поймал его на месте разбоя – повесь на дереве рядом с дорогой, другим в назидание. А коли на судне – за борт его. Он ведь по наши жизни пришел, чего его жалеть?

Мужики подняли тело убитого разбойника и швырнули его за борт.

– Афанасий, Пафнутий, смойте кровь с палубы.

Деревянной бадейкой набрали речной воды и смыли кровь с деревянных досок палубы.

– Пока не въелась, потрите песком и промойте – чтобы и духом его здесь не пахло! – распорядился Григорий. – Глеб, бери топор, будешь караулить до утра.

Тем не менее после ночного происшествия никто не мог уснуть до самого утра. Все кряхтели, ворочались с боку на бок, не спали.

Михаил подсадовал, что в Коломне не купил для команды оружие. Топор, тем более плотницкий, не боевой, только для работы хорош. И выводы сделал для себя – всегда, даже на своей земле, когда татар близко нет, ставить караульного. Хоть происшествие и прискорбное, кровавое, но Михаил убедился, что люди в команде хорошие, надежные. Григория все слушают, подчиняются ему. Бог отвел его от этих татей, когда они нанимались к нему в Коломне. Страшно представить, что было бы, возьми он их на судно. Ночью вырезали бы всех по-тихому.

Однако происшествие не сказалось на аппетите – котел с кулешом опорожнили утром в пять минут.

– Хозяин, чего вяленую рыбу летом есть? Сейчас бы свежей ушицы сварить.

– Где рыбу взять?

– Так наловим, дай немного времени.

Мужики достали из своих узелков тонкие бечевки с крючками. Помочив водой кусочки сухарей, насадили их на крючки и забросили крючки в воду.

То ли приманки у них были хитрые, то ли рыбаки они были хорошие, но за короткое время мужики поймали несколько шук, карасей и окуней.

– Вот, уху опосля сварим – все лучше, чем вяленая, не зима же.

Рыбу завернули в листья лопухов.

– Не протухнет? – удивился Михаил.

– Да ни в жисть.

Ну и ладно, разнообразить питание и в самом деле надо.

Отошли на веслах от берега, поставили парус.

Москва-река уступала Оке в ширине, но движение по ней было более оживленное. Не успело одно встречное судно мимо пройти, как уже было видно другое. Один раз их обошел ушкуй. На нем стоял парус, и одновременно на веслах работали гребцы. За правилом стоял сам купец в ярко-синей рубахе.

– Оп-та, оп-та! – задавал он ритм гребцам.

Ушкуй быстро обогнал их и вскоре скрылся из вида.

– Куда же это он гонит? – удивился Михаил.

– Знамо, поклажа срочная. Может – свежего осетра с Волги на царский стол везет, как знать?

– Это кому же? – прикинулся непонимающим Михаил.

– Знамо, кому, Иоанну Васильевичу, – степенно ответил Григорий.

Михаил вздохнул. Как-то в этом мире не заходила речь о том, кто стоит во главе Великого княжества Московского. Как бы впросак не попасть. Интересно, Иоанн-то который? Третий или четвертый?

В истории Средних веков Михаил был не силен. Изучали в школе вкратце, можно сказать – мимоходом, вот и все знания. А знал бы, что так получится, – из библиотек бы не вылезал. Да что уж теперь?

На реке появилось много лодок. Они подплывали к бортам ладей и ушкуев и предлагали купить свежий хлеб, зная, что команды соскучились по хлебушку, питаются сухарями. А еще предлагали репу, капусту, даже сбитень. Каждый хотел заработать свою деньгу. Чувствовалось, что рядом большой город.

И вот из-за поворота реки показались деревянные избы.

– Посады пошли, за ними – город. Почитай, дошли. Хозяин, где стоять будем? На Москвее-реке причалы подороже будут, на Яузе – подешевле.

– Мне бы к базару поближе.

– Это к торгу, что ли? Базар – так на востоке говорят, в Персии, скажем. Я хоть в тех краях не бывал, однако от купцов слышал.

– Я в Москве в первый раз, и если ты знаешь, где лучше встать, – делай.

Они пристали к причалу на Москве-реке, закрепили швартовы. Григорий тут же объявил вахтенных.

– Нельзя судно без пригляда бросать, в Москве лихих людишек с избытком, тут же все из трюмов вынесут.

Михаил собрался сойти на берег.

– Нет, хозяин, обожди маленько. Сейчас деньги придут за постой брать, потом судно окуривать будут. Нельзя без того на берег сходить, можно кнута отведать, не посмотрят, что купец.

Для Михаила сказанное было откровением.

И вправду, через некоторое время к ним подошел человек и поинтересовался, сколько дней судно стоять будет.

– Пять, может, больше.

– Тогда плати за пять. Если больше стоять будешь – доплатишь. Я всегда на причале.

Получив деньги за постой, он ушел. Но почти тут же появился другой человек, стал окуривать всех серным дымом и поинтересовался, нет ли на судне больных да с лихоманкой.

– Как есть все здоровы, – ответил Григорий за Михаила. А Михаил слушал и смотрел, запоминая.

– Серой-то зачем? От бесов? – поинтересовался он.

– Так в других землях то чума, то другая напасть. Вот и окуривают. В других-то княжествах сколько народу от болезней мрет! Спаси и сохрани! – Григорий перекрестился. Михаил последовал его примеру.

Крестились в команде часто – перед едой, перед тем как лечь спать. Чтобы не выделяться, крестился и Михаил, хотя настоящей потребности в крестном знамении в душе не ощущал.

– Теперь можно и на берег. А торг-то где, Григорий?

– Пойдем, покажу.

Торг был недалеко, можно сказать – за рядом жилых изб.

Михаил крутил головой по сторонам.

Дома были в основном деревянные – такие называют избами. Хотя некоторые были довольно большими, в два этажа. Но поставлены они были друг к другу тесно, и потому пожары случались в городе едва ли не каждый год. Учитывая, что ни о какой пожарной службе еще очень долго речи идти не будет, спасение ложилось на плечи хозяев загоревшегося дома и их соседей.

Торг располагался на большой площади и оглушил своим шумом. На первый взгляд казалось, что здесь царит беспорядок и броуновское движение. Однако это было не так.

В одном углу продавали живность – лошадей, овец, коров, свиней, кур. Другой угол занимали кожевники и шубники. Запах здесь стоял острый, специфический и щекотал ноздри. Рядами тянулись лавки с разнообразными товарами, за ними стояли купеческие лабазы.

– Хозяин, ты сам стоять с товаром собираешься или оптом продашь его какому-нибудь купцу?

– Лучше оптом.

– Немного потеряешь.

– Понимаю, но так ведь стоять с товаром можно долго. Лавку бы свою. Покажи, где зерном, крупами торгуют?

– Это в другом конце торгового двора.

– Веди.

Пока шли, увидели представление скоморохов с неизменным Петрушкой, ряжеными, балалайкой. На каждом шагу к ним подходили коробейники, предлагая свой товар – то кружевные платки, то пирожки с разной начинкой.

Позарился Михаил, купил себе и Григорию по пряженцу с яблоками и по кружке сбитня. Слышал он о сбитне много, а пробовал впервые. Напиток оказался горячим, терпким, с непривычным вкусом.

Отойдя в сторонку, они все съели. Михаилу понравилось.

– Благодарствую, хозяин, за угощение! – склонил голову Григорий.

Они дошли до рядов, где торговали зерном. На телегах стояли развязанные мешки, чтобы покупатель мог разглядеть, потрогать товар.

Продавали рожь, пшеницу, гречу, ячмень, еще какие-то крупы. Один из торговцев даже рис предлагал.

Когда Михаил подошел, продавец сказал степенно:

– А вот сарацинское зерно. Покупай, отменный товар.

– Извини, купец, не надобно.

Однако как отошли, Григорий дернул его за рукав.

– Ты чего ж, хозяин, мимо идешь?

– Я же не покупать пришел.

– Спросил бы, кто да какую цену за него хочет. Прежде чем свое зерно продать, надо знать, почем оно здесь, в Москве.

Михаилу стало стыдно – Григорий говорил дело. Уж коли он ушкой с товаром до Москвы довел, не отдавать же его за бесценок? И его, инженера с высшим образованием, поучает простой мужик!

«Голову включи, Михаил! – укорил он сам себя. – Тебе теперь как-то выживать надо, приспособливаться, а ты туристом ходишь! Нехорошо!»

Он стал, по примеру других покупателей, смотреть зерно, щупать его, спрашивать цену. К концу ряда он уже знал порядок цен.

– Хозяин, пошли теперь к лабазам!

– Это зачем?

– В рядах мелкие торговцы стоят – кому ведро, кому мешок продать. Серьезные купцы лавки держат, а за ними лабазы стоят с запасами. Нешто не знал?

М-да, торговля для Михаила – дело пока темное. Мало того, что времена другие, так еще порядок и цены – все для него внове.

У входа в лабаз сидел на табурете купец. Борода окладистая, рубаха шелковая, чтобы издали видно было – не голытьба какая-нибудь. Михаил по сравнению с ним смотрелся бедновато, да и одежда его выглядела несколько странно: куртка-штормовка, под ней – трикотажная футболка и брюки-джинсы.

Купец оглядел Михаила с головы до ног и, хоть и очень старался, не мог скрыть удивления.

– Добрый день! – Он встал, проявляя уважение к гостю. – Чего изволить желаете?

– Да вот, хочу предложить вам зерно у меня оптом взять.

Глаза купца сверкнули, но он тут же напустил на себя безразличный вид.

– Что за зерно, почем мешок?

– У меня судно у причала, можно посмотреть, торговаться.

– Хм, можно, пожалуй. Эй, Панкрат, посмотри тут, я отлучусь.

Они прошли к ушкую.

– Ну, показывай.

Михаил кивнул Григорию, и тот поднял крышку люка, ведущего в трюм.

Купец с неожиданной для его плотного сложения ловкостью нырнул в трюм. Следом спустился и Михаил.

Трюм был низкий, и, чтобы не удариться головой, приходилось нагибаться.

Купец проверил и посчитал каждый мешок.

– Сколько хочешь?

Михаил назвал рыночную цену.

– Э, нет, так не пойдет. Ежели я у тебя по такой цене куплю, то какой мне интерес продавать его? Выгода где?

– Назови свою цену.

Купец закатил вверх глаза и стал шевелить губами, явно пытаясь подсчитать в уме. Потом назвал свою цену – на четыре деньги за мешок меньше. Михаил, может быть, и согласился бы, но он видел, как торговались люди на торгу за каждый пул.

Сторговались на трех деньгах.

– Сейчас телеги пригоню, пусть твои ребята помогут погрузить. А это у тебя что?

– Ткани.

– Мне не надобны.

Они вылезли из трюма. Купец уселся на борт, достал восковую табличку, деревянное писало и стал считать.

Михаил заглянул ему через плечо. Купец считал сложением. Господи, как во втором классе! Михаил быстро перемножил в уме и сказал результат.

Купец посмотрел на него недоверчиво и продолжил свой счет. Потом поднял на Михаила глаза.

– Сходится. Ты как успел так быстро сосчитать?

– В уме.

– Я тоже хочу так научиться.

– Приходи к вечеру – научу. Только наука моя денег будет стоить.

– Сколько?

– Одна монета серебром.

– Ого! Дорого!

– Найди, кто научит тебя дешевле.

Купец замолчал, видимо, обдумывая предложение. Потом встал.

– Вот деньги за зерно, подводы будут. Дозволь до вечера подумать.

– Дело твое.

Михаил пересчитал деньги, опустил их в карман. Купец смотрел с интересом.

– Чудно ты одет! Калита к одежде пришита. Удобно?

– Удобно.

– А вдруг тати скрадут?

– Так и калиту срезать могут.

– Верно.

Купец ушел.

Калитой называли мешочек для денег – вроде кошелька, который подвешивался к поясному ремню.

Довольно скоро подъехали подводы. Команда судна вытаскивала из трюма мешки, таскала их на пристань. А уж оттуда их забирали возничие, укладывали на подводы. Потом старший из возничих пересчитал пальцем мешки и удовлетворенно кивнул.

Подводы уехали. Теперь надо было заняться остальным грузом, и в первую очередь – рулонами тканей.

После выгрузки зерна в трюме стало значительно просторнее.

Михаил достал восковую табличку погибшего купца, освежил в памяти, сколько и чего было погружено. День клонился к вечеру, и он решил завтра с утра отправиться с Григорием на торг. Сегодня Григорий ему здорово помог, может быть, и завтра пригодится.

Но Григорий опередил его, подошел сам.

– Хозяин, деньги давай. Я возьму двоих, пойдем на торг – харчи для плавания покупать надо.

– Надо, хорошо, что напомнил. Думаю, оружие купить надо.

– Здесь? – удивился Григорий.

– Да. А что такого?

– На этом торгу железо плохое. Или из криц болотных, или перекованное татарское, из трофеев. Лучше я завтра с тобой в Немецкую слободу схожу. Там оружие из свейского железа сделано. Подороже будет, однако же качество отменное.

– Договорились.

Михаил отсчитал Григорию деньги на продукты, и, весело разговаривая, люди из команды ушли вместе с ним на торг. На ушкуе остались только Михаил и вахтенный.

Михаил улегся на палубу. Опять он едва не попал впросак. Видел же на торгу выставленное смертоносное железо – сабли, копья, щиты, полагал сам выбрать, но Григорий растолковал ему, что и как. По носу щелкнул, получалось. А сколько он еще существенных вещей не знает?

Михаил вдруг резко поднялся и уселся на палубе. В первую очередь завтра одежду нужно для себя купить, чтобы не выделяться: рубаху, штаны, короткие сапожки – как у купца. И шапочку на голову – он обратил внимание, что все мужчины ходят с покрытой головой. И еще ложку. Он до сих пор ел подаренной деревянной, а у Григория, пусть и единственного из всей команды, была ложка оловянная. А ведь он, Михаил, хозяин судна и должен соответствовать! И как до него сразу не дошло?

Часа через два Григорий с группой людей из команды вернулся с торга. Каждый нес по здоровенному мешку. С облегчением они сбросили их на палубу.

– Хозяин, погляди.

Григорий оказался мужиком хозяйственным, деньги истратил не зря. Купил пшена, гречихи, соли, муки, конопляного масла в горшочке, добрый шмат соленого сала и еще какой-то мешочек.

– А тут чего? – поинтересовался Михаил.

– Так вяленое мясо для кулеша. Разварится – вкусно да сытно будет.

– Молодец! – похвалил его Михаил.

Он дал Григорию за труды медяку. Повезло ему с Григорием, можно положиться на старшего. Но поощрять надо человека – у него семья, он ее содержать должен.

Спали все на судне, но утром Григорий, вроде бы невзначай, сказал Михаилу:

– Не барское это дело, хозяин, на судне спать. Мы-то, понятное дело, команда, и на ушкуе быть должны. Шел бы ты на постоялый двор, на мягкой перине переночевал.

– Непременно воспользуюсь. А теперь идем на торг, поможешь мне одеться.

– Как скажешь, хозяин.

После недолгих поисков они купили Михаилу на голову расшитую тафью, рубаху лазоревую шелковую – выходную, а также ситцевую – на каждый день и штаны немецкого сукна. Штаны были необъятные, на любой размер, и держались на гашнике, веревке в поясе. Еще по совету Григория Михаил купил пояс хороший, кожаный.

– Негоже мужику без пояса, не ребяенок он неразумный. А к поясу ножи прикупим: один обеденный, другой – боевой. Ну, это у немцев.

– Григорий, мне еще ложка нужна, хорошая.

– Идем глядеть.

Ложку купили бронзовую, в чехле, которую можно было подвесить к поясу. Свою ложку берегли и чужому человеку не давали.

Они зашли на ушкуй, где оставили штормовку, джинсы и футболку. В этой одежде Михаил чувствовал себя привычно и удобно, но для города она не годилась.

– Ну вот, другое дело, любо-дорого поглядеть, – одобрил его перевоплощение Григорий. – А то ходишь по торгу, как немец какой.

– Ты обещал меня к немцам отвести.

– Я помню. Если готов – идем.

Они долго шли по кривым, извилистым улочкам. Михаил крутил головой. А где же дома белокаменные? Одни деревянные избы вокруг.

– Хозяин, ты чего головой вертишь? Али невидаль какую узрел?

– Дома-то, я смотрю, сплошь деревянные.

– Есть и каменные, да немного – у бояр да у купцов, кто побогаче. Еще в Немецкой слободе.

– Почему, Григорий?

– Сам подумай. Камень добыть надо, опилить, сюда привезти. Дорого обходится. А лес-то – вон он, вокруг города. Спилить да на санях зимой привез.

– Опасно, сгореть может.

– Почитай, каждый год пожары. Так леса вокруг полно, новые избы ставят. Испокон века так было.

За разговорами они вышли на большую площадь, уставленную торговыми рядами.

– Ну, вот и Ивановская площадь, скоро дойдем.

Михаила как током пронзило. Ивановская – это же в будущем Красная площадь. Даже выражение такое появилось: «Ты чего кричишь на всю Ивановскую?»

– Погодь, Гриша. Так это Кремль? – Михаил указал на деревянные стены, за которыми были видны главы церкви.

– Она самая. Там Великий князь с челядью да боярами приближенными живет.

Для Михаила это был шок. А где же брусчатка, собор Василия Блаженного, зубчатые кремлевские стены, колокольня Ивана Великого?

– Ты откуда так Москву знаешь, Гриша?

– Бывал многожды, да и зять у меня здесь живет. У боярина Квашнина в прислуге.

– Не знал.

Они пришли в Немецкую слободу. Большая часть домов в ней и в самом деле были каменные. Дома добротные, видно, стоили немалых денег. Но иноземцы считали, что лучше один раз отстроиться задорого, чем едва ли не каждый год гореть. «Разумно», – одобрил Михаил.

Иностранцы отличались одеянием, а главное – бритыми лицами.

Григорий подвел его к дому.

– Тут оружейная лавка ихнего оружейника, Штофа.

Михаил толкнул дверь, Григорий вошел за ним.

Из-за прилавка поднялся высокий сухопарый немец.

– Гутен таг!

– Добрый день, – поприветствовал его Михаил.

– Что господин желает?

– Ножи обеденный и боевой для начала покажи, да чтобы в чехлах.

Немец улыбнулся:

– Это непременно.

Он выложил на прилавок кучу острых железяк: поменьше, побольше, с разными рукоятками – наборными из кожи, дерева, даже кости.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.